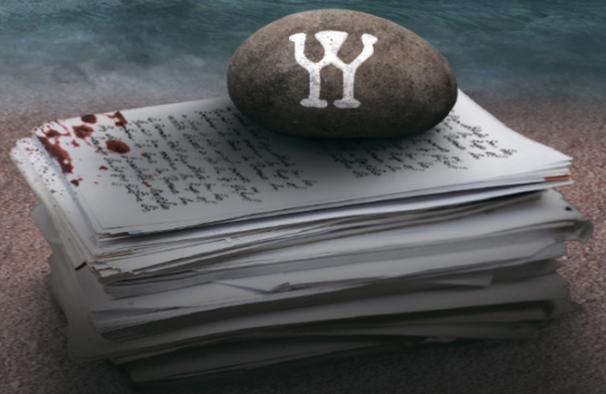

Мишель БЮССИ

Детективщик № 1
во Франции

под ОПАСНЫМ
СОЛНЦЕМ

Мишель Бюсси
Под опасным солнцем

MICHEL BUSSI, AU SOLEIL REDOUTÉ

Copyright © Presses de la Cité, un département de Place des éditeurs, 2020

Название романа – «Au soleil redouté» – взято из песни Жака Бреля «Маркизские острова» («Les Marquises»), слова и музыка Жака Бреля © 1977 Éditions Jacques Brel

Отрывки из песен:

«Ces gens-là», слова и музыка Жака Бреля © 1965 Éditions Jacques Brel

«Les Marquises», слова и музыка Жака Бреля © 1977 Éditions Jacques Brel

«Pourquoi faut-il que les hommes s'ennuient?», слова и музыка Жака Бреля © 1964 Universal Music Publishing France / Éditions Jacques Brel

«Le Moribond», слова и музыка Жака Бреля © 1961 Warner Chappell Music France / Éditions Jacques Brel

«La Fanette», слова и музыка Жака Бреля © 1963 Alleluia-Gérard Meys

«Les Biches», слова Жака Бреля, музыка Жерара Жуанне (Gérard Jouannest) © 1962 Éditions Jacques Brel (BE+NL), © 1962 Éditions musicales Eddie Barclay, © Assigned 1964 to Éditions Patricia & S.E.M.I. (hors BE+NL)

«Seul», слова и музыка Жака Бреля © 1959 Warner Chappell Music France / Éditions Jacques Brel

«Je ne sais pas», слова и музыка Жака Бреля © 1958 Universal/MCA Music Publishing / Éditions Jacques Brel

«Orly», слова и музыка Жака Бреля © 1977 Éditions Jacques Brel

«Les Coeurs tendres», слова и музыка Жака Бреля © 1967 Éditions Jacques Brel, hors parts Rauber, 1967

«La Quête» (Joe Darion/Mitch Leigh/Jacques Brel) © Andrew Scott Music représenté par Ima~~gem~~ SARL

Les Éditions Jacques Brel не могут нести ответственность за содержание произведения.

«Il est cinq heures, Paris s'éveille», слова Жака Ланцмана (Jacques Lanzmann) и Анн Сегалан (Anne Segalen), музыка Жака Дютрона (Jacques Dutronc) © 1968 Editions Musicales Alpha

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Литературного агентства Анастасии Лестер

Перевод с французского Александры Васильковой

Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки Данилы Сергеева

© Александра Василькова, перевод, 2021

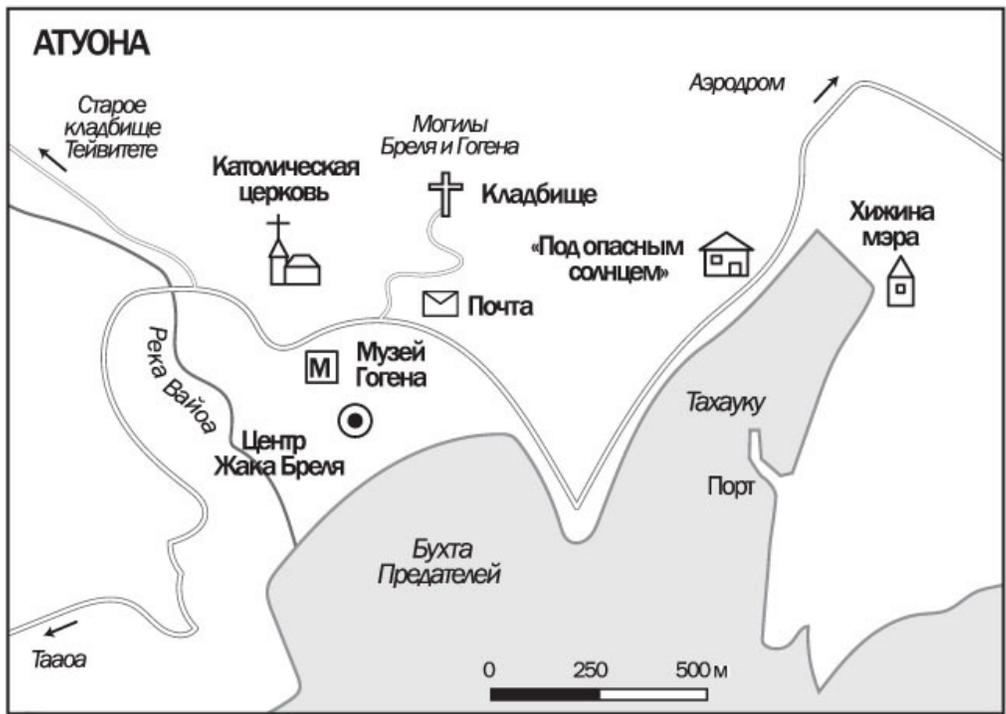
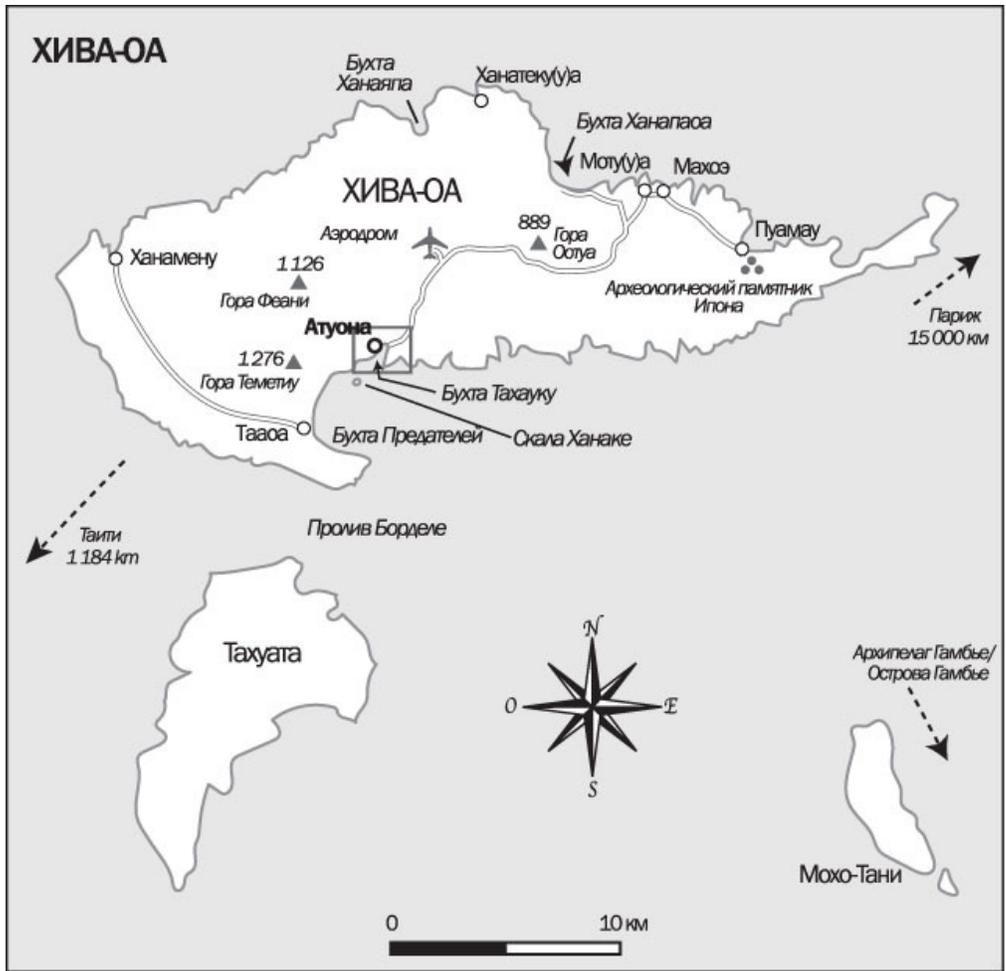
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

* * *

Об авторе

Мишель Бюсси – географ и преподаватель Руанского университета. С 2011 года все его романы выходили в издательстве *Presses de la Cité*. Роман «Черные кувшинки» в 2011 году собрал больше всего наград как лучший детектив, в издательстве *Éditions Dupuis* вышел комикс по его мотивам. Во Франции было продано более миллиона экземпляров романа «Самолет без нее», за который Бюсси получил в 2012 году *Prix Maison de la Presse*. Его произведения имеют огромный успех во всем мире, переводы издаются в 35 странах, телевидение покупает права на экранизации: канал *France 2* в 2018 году показывал «Пока ты не спишь», *M6* в 2019-м – «Самолет без нее», *TF1* в том же году – «Время – убийца». Бюсси – автор романов «Не отпускай мою руку» (2013), «Не забывать никогда» (2014), «Пока ты не спишь» (2015), «Время – убийца» (2016), «И все-таки она красавица» (2017) и «Я слишком долго мечтала» (2019). «Следы на песке» (2014) – это переиздание романа *Omaha Crimes*, первого написанного им романа и второго опубликованного после *Code Lupin* (2006). Все его романы поначалу выходили в издательстве *Pocket*. В 2018 году он издал там же сборник новелл «Помнишь ли ты, Анаис?» и переиздал один из первых своих романов, «Безумство Мазарини» (вышел в 2009-м). В 2019-м он издал под своим именем в издательстве *Pocket* роман «Все, что есть на земле, должно погибнуть: Последний единорог». Этот эзотерический триллер вышел под псевдонимом в издательстве *Presses de la Cité* в 2017-м. Кроме того, Бюсси – автор сборника сказок для детей «Сказки Будильника» (2018) и двух альбомов сказок по мотивам романа «Пока ты не спишь»: «Большое путешествие Гути» и «Маленький Звездный пират» (2019). За несколько лет Мишель Бюсси стал вторым в списке авторов, чьи книги лучше всего продаются (источник – *Figaro-GFK*).

*Памяти Клода Симона,
отца моего друга Паскаля*

Они говорят о смерти, как ты говоришь о
фруктах
Они смотрят в море, как ты – в колодец
Женщины чувственны под опасным
солнцем
И может, там нет зимы, но это и не лето
тоже.

Жак Брель, «Маркизские острова»

Рыбы спят.

Нет, они не «уснули», то есть не умерли, и их не разморило в нагретой морской воде, на самом деле спят.

Она подходит вплотную к изрезанным черным скалам у края бухты Предателей, чтобы получше разглядеть, как рыбы покачиваются на воде в природных садках. В поле над пляжем пара темно-гнедых лошадей щиплет листья плюмерии. Она готова позавидовать их ленивой вольности, но тут же замечает два колышка с веревками.

И возвращается к садкам.

С полсотни рыб, оказавшихся в западне между черных скал, неподвижно лежат, выпучив глаза, покачиваясь на волнах Тихого океана. Групперы, рыбы-попугаи, рыбы-хирурги. Разноцветные. Теснота, как в бассейне жарким летним днем... и всего один спасатель присматривает за всеми!

Стоит в воде выше колен, сложен как регбист, с ног до головы в маркизовских татуировках, седой и курчавый. Он голыми руками собирает спящих рыб и складывает в плетенку из банановых листьев, свисающую у него с плеча.

Она узнаёт его. Это Питó, садовник, который иногда приходит подстричь деревья в саду пансиона «Под опасным солнцем». Медлительный колосс лет под семьдесят. Он тоже ее узнаёт и подносит палец к губам.

Тсс!

Странно. Почему она должна молчать? Чтобы не разбудить рыб?

Да нет, дело не в этом!

Пито долго хохочет.

– Ты ведь ничего не видела, красотка? А если тебя спросят, поклянешься, что я бил их гарпуном?

Она ошарашенно таращится на островитянина, еще больше его этим развеселив.

– Я... даю вам слово.

Рыбак некоторое время разглядывает женщину, ее повязанное вокруг талии парео в цветах гибискуса, верх от купальника, затем подмигивает:

– Это древняя маркизская магия!

Наконец, тщательно выбрав еще одну крупную рыбу-попугая с сине-зеленой чешуей, старик возвращается к скалам, и она чувствует, что наконец-то имеет право спросить.

– А они... рыбы спят с открытыми глазами?

И снова по камням разносится хохот.

– Само собой, у них же нет век!

– И... они спят среди бела дня?

С ума сойти – она разговаривает о спящих рыбах с дедулей, с головы до ног покрытым татуировками, стоя на пляже в Атуоне, крохотной столице Хива-Оа, самого большого острова самого уединенного в мире архипелага, до Парижа отсюда больше пятнадцати тысяч километров и шесть тысяч до ближайшего континента.

– Да, – отвечает Пито, подсчитывая добычу. – Если им немного помочь.

Не такая она дура, чтобы не понять, что он браконьерствует. И что она слишком много видела...

Теперь Пито ее задушит? Или сделает своей сообщницей?

Старик, выпятив пузо – небось и забыл, когда в последний раз качал пресс, – вскидывает руку в ритуальном жесте победного танца и, слегка прихрамывая, направляется к ней.

– Только самые древние старики на Маркизах еще умеют так рыбачить. – Окинув взглядом деревья на окрестных горах, он продолжает: – С порошком из ореха хоту. Если умеешь его распознать, найдешь повсюду в прибрежных лесах. Пока орех не расколот, он не опасен. Но его ядро – смертельный яд. Расколи такой орех, дай склевать курам – сама увидишь!

Лошади подходят ближе. У них настолько длинная привязь, что они могут спуститься на пляж, ощипать всю траву у мола, а то и

искупаться. Старик рассеянно поглаживает обеих поочередно.

– Не бойся, моя прелесть, для человеческих жертвоприношений орехи перестали использовать, когда заметили, что отравленных чужестранцев труднее переваривать^[1]. – Его могучий живот снова трясется от хохота. – Но, зная дозировку, можно истолочь ядра и использовать их, чтобы охмурить рыб... – Он снова окидывает женщину взглядом, от босых загорелых ног до цветка *тиаре*^[2] за ухом. – И красоток-туристок...

---

*Издательство «Серван Астин»
улица Сен-Сюльпис, 41
75006 Париж*

Мадам,

Вы были в числе 31 859 участников конкурса «Далекие перья», организованного издательством «Серван Астин», и состязались за право получить личное приглашение в течение недели заниматься в литературной мастерской на Маркизских островах (Хива-Оа) под руководством писателя Пьера-Ива Франсуа.

Поздравляю Вас! С огромной радостью сообщаю, что Вы – одна из пяти победительниц, чьи имена перечислены ниже.

Клеманс Новель

Мартина Ван Галь

Фарейн Мёрсен

Мари-Амбр Лантана

Элоиза Лонго

Просим Вас в течение ближайшей недели подтвердить свое участие и сообщить, будет ли Вас кто-то сопровождать. Вы будете жить в пансионе «Под опасным солнцем» (www.au-soleil-redoute.com). Вскоре мы свяжемся с Вами, чтобы уточнить все подробности поездки, но этой прекрасной новостью нам хотелось с Вами

поделиться как можно скорее.

Позвольте еще раз поздравить Вас, мадам, и заверить в наших самых искренних дружеских чувствах.

Серван Астин

Дневник Маймы До того, как умру...

Пока домчалась до пансиона, совсем запыхалась. Дожидаясь, пока сердце перестанет колотиться как бешеное, вспомнила, как три дня назад вместе с мамой и четырьмя другими победительницами конкурса приземлилась в аэропорту имени Жака Бреля и впервые увидела пансион.

Свет внезапно померк. Я подняла голову, посмотрела вверх. Солнце запуталось в облаках, накрывших гору Теметиу, словно луна-рыба, уловленная сетью. Зелень кокосовых пальм, манговых и банановых деревьев окрасилась в цвет потускневшего перед штормом моря.

Воспользовавшись этим, я как можно тише двинулась по сумрачной аллее. Дыхание в тени бугенвиллей постепенно выровнялось. Я только что без остановки пробежала два километра, с перепадом высоты в двести метров.

Ни звука, ничто не шелохнется – ни на террасе, ни в зале *Маэва*^[3], ни в одном из шести бунгало. Я окинула взглядом бухту Предателей, скалу Ханаке, черный пляж безлюдной Атуоны. Всмотрелась в пустое небо – последняя надежда – и без дальнейших раздумий вскарабкалась по бамбуковой стене *фаре*^[4] Танаэ. Опираясь о резные столбы, без труда забралась на крышу из высушенных листьев пальмы панданус. Встала босыми ногами на стропила и скользнула к чердачному окошку высотой в тридцать сантиметров.

Мне шестнадцать лет, я верткая, как угорь, и единственная, кто может проникнуть таким способом в любой из домиков, когда двери и окна закрыты. Я и не отказывала себе в этом в последние дни, помогая Янну. Вот только теперь, когда пролито столько крови, когда столько людей погибло, действовать надо было намного быстрее.

На мгновение повисла на балке и спрыгнула в фару. Перед глазами снова замелькала дорога, по которой я неслась от кладбища, от надписи на могильном камне, от мертвого тела в яме. Я знала, зачем пришла, – за рукописью, о которой рассказала мне Танаэ. Истории Клем и четырех других участниц литературной мастерской. Полное описание всего, что происходило в эти два дня. То, что каждая из них увидела, подумала, поняла.

Долго искать не пришлось, рукопись лежала на письменном столе розового дерева. Сотня страниц. На первой всего две строчки.

Моя бутылка в океане

Клеманс Новель

Белое солнце выпуталось из облаков над вершинами гор. Его лучи ворвались в окно, залив комнату безжалостным слепящим светом.

Прихватив папку, я устроилась в единственном затененном уголке – на кровати под москитной сеткой. Не из-за moskitов – они предпочитают приезжих – но мне всегда казалось, что этот полог над кроватью придает ей сходство с ложем принцессы.

Наверное, под кружевным балдахином сны и мечты особенно прекрасны.

Я открыла папку.

Если я выпущу эти мечты на свободу под москитной сеткой, она помешает им улететь?

До того, как умру, мне хотелось бы...

За два дня до того

Моя бутылка в океане

Часть I

Рассказ Клеманс Новель

До того, как умру, мне хотелось бы...

Написать роман, который будет продаваться на пяти континентах в переводе на 43 языка.

Встретить прекрасного принца.

Совершить кругосветное путешествие на белой яхте.

Дожить до пятидесяти лет без единого белого волоса.

Проскакать через всю Австралию на белом коне.

Мм... Что еще?

Мм...

Белое! Белое!

Мне стыдно перечитывать то, что я написала.

Банально – дальше некуда. Так и хочется смять бумагу в плотный комок и затолкать на самое дно мусорного контейнера на парковке, под диким манговым деревом. Петух насмешливо смотрит на меня с ветки.

Кретин!

Маркизские острова – сказочное место, есть только одно «но»: тысячи разгуливающих на воле петухов ночами не дают вам спать, а днем нагло пялятся на темные круги у вас под глазами.

Беру чистую страницу.

Моя бутылка в океане

Глава 1

Ну вот, с этого и начну: меня зовут Клеманс.

Клеманс Новель.

Как описать себя покороче? Тридцать лет (без нескольких месяцев), парижанка (несколько остановок на электричке не в счет), одинокая (если не считать нескольких любовников-вампиров, которых, как правило, обращает в бегство утреннее солнце), работаю в колл-центре в Нантерре. Не слишком женственная, с короткой стрижкой, предпочитаю походные ботинки, штаны-хаки и свободные футболки.

Это мой камуфляж.

Хоть я и похожа на парня, но люблю то, что парням не так уж нравится, – слова! Я подала заявку на конкурс только ради этого: укладывать слова, укутывать их, дать им подремать до тех пор, пока не сложатся в роман, в мой роман, в мою брошенную в океан бутылку.

Я боюсь перечитывать начало...

Рассказ Клеманс Новель

До того, как умру, мне хотелось бы...

Часы на атуонской церкви только что пробили двенадцать. Мне ни за что не успеть. Скоро Танаэ позовет нас обедать, а ПИФ собирает задания, перед тем как сесть за стол. И все же я медлю, смотрю по сторонам. Несколько девчонок на самодельных досках пытаются кататься на волнах, мальчишки гоняют мяч на футбольном поле, занимающем весь пляж, – лучший стадион мира! У меня за спиной

культурный центр Брежнев, до него метров сто, двери открыты, и я слышу, как поет великий Жак:

Мечтать о несбыточном, разрываться от печали разлуки,
Забиться в дорожной горячке, исчезнуть там, куда заказан всем
путь^[5].

Мечтать о несбыточном, отправиться туда, куда другим путь
заказан... Вот спасибо, Жак! Необязательно было гробить мне
настроение. Мои белая яхта и белый конь рядом с твоими
гениальными строками. Всё-всё, я поняла!

Перебираю в памяти сегодняшние наставления куратора.

Упражнение № 2. До того, как умру, мне хотелось бы...

*Сочините продолжение. Не подражайте никому, удивляйте,
смешайте, умиляйте, но главное – будьте искренни. У вас есть три
часа.*

Это было три часа назад.

До того, как умру, мне хотелось бы...

*Не познать самого большого позора за всю мою жизнь, сдав... белую
страницу?*

Смотрю в свою тетрадь, повторяю первые, вчерашние
наставления:

Упражнение № 1. Вы бросаете в океан бутылку.

*Пишите, пишите всё, без стыда, без страха, без оглядки, пишите
так, будто никто никогда не прочтет ваш роман, будто вы готовы
бросить все это в воду.*

Ну поехали, пишу. *Моя бутылка в океане*, роман Клеманс Новель. Глава первая. Упражнение № 2.

Ну и ладно, пишу как пишется, не выстраивая слова.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Остаться здесь навсегда, вот что! На всю жизнь! Не улетать, не возвращаться в Париж.

Я снова отвлекаюсь, вспоминаю перелет Париж – Таити, двадцать два часа, пересадка в Папеезе, и еще четыре часа лететь до Маркизских островов, не отлипая от иллюминатора, чтобы ничего не упустить, наглядеться на атоллы и на лазурь ярче тех чернил, какими я подростком записывала свои стишки.

Вижу, как мы приближаемся к Хива-Оа, изумрудной горе, которая вынырнула из ниоткуда и, по мере того как приближался к ней маленький «боинг» компании *Air Tahiti Nui*, казалась все более дикой и неисследованной. Весь остров зарос лесами, кроме нескольких окруженных пальмами пляжей – будто оазисы наоборот.

Слышу звук, с которым шасси касаются бетонной полосы крохотного аэродрома имени Жака Бреля, вдыхаю аромат ожерелий-талисманов из цветов или красных зерен, что дарят пухленькие островитянки, едва ты сойдешь по трапу.

А потом вспоминаю первое свое огорчение – связи нет. Первое из длинного ряда разочарований: нет витрин – нечего разглядывать, нет баров – негде выпить, нет светофоров – не злит красный свет. Прежде чем смириться, я раз двадцать вытаскивала айфон в разных концах острова: нет, нигде не ловит! Не обменяться эсэмэсками, не отправить селфи, никаких новостей, ни семьи, ни подруг, никто не будет доставать.

Вот, точно! Хочу остаться здесь до самой смерти! В двадцать девять с половиной лет у меня нет ни постоянного друга, ни постоянной работы – так что меня держит в Париже?

Вот, точно! Застрять на Хива-Оа до конца своих дней. Гоген продержался тут пятнадцать месяцев, Брель – двадцать семь, я могу побить рекорд. Легко!

И пусть меня похоронят здесь, на кладбище в Атуоне, где-нибудь между Полем и Жаком. У маленького кладбища есть свой художник и свой музыкант, осталось только собственным писателем обзавестись! Если уж на то пошло, женщина даже лучше, хоть какое-то равноправие.

Откладываю ручку. Перечитываю. В конце концов, может, не так уж и плохо получилось.

Сверху, от пансиона, к пляжу несется долгий трубный звук, напоминающий затонувшую пожарную сирену, – Танаэ дует в свою раковину. Первый сигнал.

Пора обедать.

В «Опасном солнце» с этим не шутят. Когда раковина позовет во второй раз, все должны собраться на террасе. В меню тартар из тунца, цыпленок с листьями *фафа* – полинезийского шпината, банановый десерт *ноэ*, еще с десятков блюд... и наши сочинения!

Петух испугался и улетел. Какая-то островитянка припарковала у мола свой пикап – приехала за малолетними серфингистками. Дежурные в Культурном центре Бреля выключили музыку и ушли обедать.

Не могу заставить себя выбраться из постели. Как школьница, не успевшая доделать уроки, я стараюсь урвать еще несколько секунд, чтобы хоть орфографические ошибки исправить.

Хотела бы я знать, Титина, Элоиза, Фарейн и Мари-Амбр тоже так дергаются? Они так же серьезно относятся к этой литературной мастерской на краю света под руководством одного из самых читаемых писателей-франкофонов? И они всерьез хотели бы до того, как умрут, стать...

– Клем! Обедать!

Я и не слышала, как Танаэ протрубила во второй раз. Это Майма пришла за мной.

Майма – дочка Мари-Амбр, одной из пяти учениц. А еще Майма – это маленькая босоногая принцесса с золотистой кожей и длинными прядями, похожими на крученые лакричные конфеты. Мой личный гид. Мой корректор и моя сообщница. В жизни не встречала такой бойкой хитрющей девчонки.

Когда-нибудь я ее удочерю, здесь все так делают.

Дневник Маймы

Мелкие мании и великие маны

Мы с Клем поднимались по крутой тропинке. Я восхищалась ее воинственным видом, а ей, кажется, понравился мой дикарский стиль. Я старалась ступать босыми ногами в следы, которые оставляли в пересохшей земле ее грубые ботинки. Смотрела на бухту Предателей, потом на Атуону, зажатую между горами и океаном, – сверху ее душат растения, снизу обгладывают волны Тихого океана. Вниз, от «Опасного солнца» до пляжа, можно добежать за пять минут, зато на то, чтобы подняться, уйдет не меньше пятнадцати. Но я не жалуясь, из десятка пансионеров, какие есть на острове Хива-Оа, наш к деревне ближе всего.

Если верить путеводителям, он считается и самым лучшим. Все расхваливают – цитирую дословно – *приветливую и энергичную хозяйку, Танаэ; отменную местную еду, которую подают утром, в полдень и вечером, и простоту, в лучших традициях местных ремесленников, стиля шести бунгало, каждое из которых носит имя одного из Маркизских островов, – бамбуковые стены, крыша из листьев пандануса, мебель розового дерева.*

Пансион «Опасное солнце» – любимчик турагентств, здесь круглый год все забито, впрочем, как и почти во всех пансионатах на Хива-Оа. Только не воображайте, будто французы, австралийцы, индийцы и американцы толпами валят на Маркизские острова, на острове не больше сотни спальных мест. Их быстро занимает горстка туристов, которые затем разбредаются кто куда: плавают между островами архипелага, катаются на внедорожниках, поднимаются в горы.

В полдень, должна вас предупредить, экваториальное солнце Маркизских островов особенно опасно... но его приручили. У Танаэ все обедают вместе в беседке над бухтой Предателей. По крыше

свободно разгуливают петухи, куры и кошки, вокруг – только руку протянуть – растут гуаявы, пассифлоры и лимоны, сверху открывается широкий вид, на первом плане – поле, где пасутся лошадки, на втором виднеется маленький порт Тахауку и остров Тахуата.

В зале Маэва, просторной комнате, которая служит одновременно холлом и баром, а в дождливые дни – гостиной, висят два больших зеркала. И разумеется, несколько картин Гогена и фотография Бреля. Совершенно с вами согласна, это не слишком оригинально, но не будет же Танаэ встречать французских туристов, которые тридцать часов сюда летели, Сезанном и Брассенсом.

С некоторой долей фантазии украшена беседка: на большой черной доске белыми буквами написано: *До того, как умру, мне хотелось бы...* в точности как на тысячах других досок по всему миру с тех пор, как художница Кэнди Чанг (я прочитала про нее в Википедии) додумалась это предложить. Постояльцев «Опасного солнца» просят перед тем, как они покинут Маркизские острова, записать свои желания мелом на черной доске. Танаэ каждую неделю их фотографирует, прежде чем стереть записи.

Заморская книга отзывов, эфемерная, как тропическая бабочка. Прочитать вам те записи, по которым хозяйка еще не прошла губкой?

До того, как умру, мне хотелось бы...

Вернуться на Хива-Оа, к Танаэ!

Привезти на Маркизские острова папу с мамой и подарить им ожерелья из цветов тиаре.

Совершить кругосветное путешествие.

Сдать экзамен на управление ракетой.

Найти рецепт бессмертия.

К тому времени, как мы с Клем, слегка запыхавшиеся, добрались до пансиона, все остальные уже сидели за столом под навесом.

Проходя мимо черной доски, я подумала, что наш куратор Пьер-Ив Франсуа недалеко ходил за темой для второго задания. Кстати, ПИФ как раз встал и начал собирать работы. Отличница Клем, даже не успев отдышаться, протянула ему свою. Смешно на все это смотреть.

Пьер-Ив Франсуа.

ПИФ, как его называют в СМИ. Император бестселлера.

Должна вам признаться, что я ни одной книги Пьер-Ива в жизни не открыла, думаю, как и ни один из двух тысяч островитян на Хива-Оа. Пьер-Ив Франсуа на жителей Атуоны произвел не больше впечатления, чем Жак Брель, когда он здесь появился: никто понятия о нем не имел!

И вот что я вам скажу: ПИФ напоминает мне мсье Жако, моего учителя математики, – ножки коротенькие, волосы слишком редкие и слишком белесые для того, чтобы хоть немного прикрыть красную лысину, а слишком круглое пузо выдает склонность злоупотреблять aperitifs в полдень и дремать за письменным столом после обеда. Ну ладно, на этом сходство и заканчивается. На уроках мсье Жако всегда феерический бардак, ученики над ним измываются и слышать не хотят ни про какие уравнения. А Пьер-Ив Франсуа, напротив, своих учениц завораживает и даже, можно сказать, гипнотизирует, они лихорадочно записывают каждую его фразу, как будто он разговаривает александрийским стихом или хайку, а каждое произнесенное им слово – частичка поэзии и позволить ей развеяться в воздухе было бы святотатством. Неисчерпаемый запас творческой энергии, солнечного вдохновения – понимаете, о чем я? Но по-моему, больше всего Пьер-Ив похож на местный ветер, способный привести в действие сотню ветряков по всему архипелагу.

Не знаю, сколько читательниц во всем мире ПИФ способен вот так уловить в сети своих страниц, но надо признать, что на пять женщин, сидящих за столом в «Опасном солнце», он сумел произвести впечатление.

– Все готово! – прокричала Танаэ.

Я поспешно пристроилась рядом с Клем. По и Моана, дочери Танаэ, сновали взад и вперед через зал, от кухни до беседки и обратно, расставляли еду. За столом восторгались тартаром из тунца с кокосом, пюре из умары – это местная сладкая картошка, – салатом из листьев здешнего шпината фафа... А я любовалась По и Моаной. Они похожи на двойняшек с картины Гогена «И золото их тел»: те же черные волосы, спадающие на правое плечо, те же широко расставленные темные брови, те же толстые губы, та же отливающая медью кожа. Единственное отличие от моделей маркизского художника – руки у них от плеча до запястья покрыты татуировками. Океанские волны, раковины, цветы и абстрактные завитушки, все это гармонично соединяющие. По семнадцать лет, Моане восемнадцать, она всего на два года старше меня! Если бы вы знали, как я завидую их татуировкам! Мне хотелось бы такие же или другие, но мама никогда, ни за что не разрешит! У мамы нет никаких татуировок. А ведь она больше пяти лет прожила в Полинезии.

Мама сидела как раз напротив меня. Я не спеша огляделась – надо же представить вам нашу маленькую компанию. Вокруг стола десять стульев: пять для учениц ПИФа, два для сопровождающих (Янна и меня) и три свободных места, их займут Танаэ, Моана и По, как только перестанут мухами носиться туда-сюда, подавая блюда. Мой взгляд, обойдя весь стол, возвратился к маме.

Но кто догадается, что Мари-Амбр – моя мать? Она полная моя противоположность. День и ночь – это про нас. Я – брюнетка, она – блондинка, благоухающая за пределами дорогими духами, накрашенная, с венком из рафии на голове, с золотистой, в тон браслетам, кожей. Мама из тех женщин, которые умеют золотиться, как золотят драгоценности, это один из ее врожденных талантов – как умение ходить на высоченных каблуках, танцевать или пить коктейли на вечеринках. Кстати, мама предпочитает, чтобы ее

называли просто Амбр. Или даже Эмбер, как Эмбер Хёрд, совершенно психованную бывшую жену Джонни Деппа, на которую ей так хотелось бы стать похожей.

В вырезе у нее болталась черная жемчужина. Мама разговаривала с Титиной, сидевшей рядом с ней бельгийской бабушкой. У той на шее тоже висела черная жемчужина. Я всего два дня как познакомилась с Титиной, но сразу ее полюбила. Я без ума от ее старушечьего кокетства, от того, что она попросила называть ее Титиной, а не Мартиной, от ее причудливых нарядов – кружевные платья или шорты на лямках, – ее седых хвостиков, украшенных цветами тиаре. Титина, наверное, была в молодости настоящей красавицей, но теперь ее немножко заклинило на ее вечном возлюбленном... Жаке Бреле!

Мама с Титиной тихонько переговаривались, шум застольных разговоров заглушал их голоса, но мне не надо было слышать все до последнего слова, чтобы понять. Мама рассказывала Титине про свою жемчужину, объясняла, что это драгоценность высшего класса, исключительно редкая искусственно выращенная жемчужина, между мамиными маленькими грудками уместилось целое состояние, а между титьками Титины красовался в лучшем случае третий сорт. Дешевка ценой не больше тысячи тихоокеанских франков^[6].

Ну, раз мама так сказала... Мама – просто воплощение такта.

– Передайте мне, пожалуйста, кокосовый хлеб, – попросил Янн.

Никто не обратил на него внимания.

Все разом умолкли, воцарилась тишина. Сейчас будет говорить гуру! Пьер-Ив Франсуа смолотил не меньше половины миски красного тунца и решил перед тем, как перейти к цыпленку с листьями фафа, поделиться одним из своих драгоценных советов.

– Не существует никакого таланта, – изрек он. – Или, вернее, талант есть у всех. Различие создает не какой-то дар, с которым вы родились. А труд, пот, упорство...

Я едва удержалась от смеха. Подумать только – мама и остальная четверка прилетели на этот остров за пятнадцать тысяч километров,

чтобы им такую лапшу на уши вешали.

– Возьмите любой вид искусства, – продолжал писатель, – музыку, живопись, скульптуру, литературу, и вы найдете лишь крохотную группу людей, напроць лишенных таланта, и еще меньше гениально одаренных. Для всех остальных и даже для меня, барышни, успех произведения – это всего лишь труд! Труд и еще раз труд!

Ну он выдал, этот ПИФ. Я наблюдала за тем, как жадно он ловил робкие возражения. «Да нет же, Пьер-Ив, ну что вы, вы-то принадлежите к касте избранных, вы чудо, и это нисколько не входит в противоречие с вашей фантастической работоспособностью».

– Так прислушайтесь к моему совету, – напирал гуру, – запомните его, запечатлейте в памяти: что бы ни случилось в ближайшие дни и часы, что бы ни произошло до той минуты, как вы через пять дней снова сядете в самолет, продолжайте писать. Отмечайте все! Записывайте все! Ваши впечатления, ваши эмоции, по горячим следам, с предельной искренностью. Оглядитесь, оглядитесь кругом, – он театральным жестом обвел океан, горы и далекие острова, – здесь все служит источником вдохновения. Я могу вам сказать, что уговорить мою издательницу финансировать литературную мастерскую так далеко от Парижа, в самом уединенном уголке мира, было нелегко, так что используйте каждую секунду. Пишите! Так задушевно, как только сможете. Почти любой, если будет работать с охотой и искренностью, станет талантливым. Здесь способности растут так же легко, как плюмерии. Пишите! Я пообещал Серван Астин, что вместе, все вместе мы напишем для нее самый неожиданный роман на свете.

Все погрузились в раздумья, а Пьер-Ив тем временем принялся за чипсы. Домашние. Чипсы из плодов хлебного дерева. Объединение. Если бы их замораживали и отправляли в Европу, пакеты с ними продавались бы миллионами.

Танаэ, По и Моана наконец-то сели с нами за стол.

Продолжаю знакомить вас со всеми по очереди. Разрешите представить: рядом с мамой и напротив своего мужа Янна – Фарейн. Мы с Янном – единственные сопровождающие. Остальные три участницы, Клем, Титина и Элоиза, приехали в одиночку. Так что я немало времени провожу с Янном, пока наша пятерка начинающих романисток бродит с блокнотами в руках в поисках вдохновения. Они редко дают себе передышку... Насколько я поняла, Янн бретонец, а Фарейн датчанка, – во всяком случае, по происхождению. Фарейн занимает какую-то высокую должность в парижской полиции. Янн тоже служит в полиции, но он жандарм где-то в сельской местности рядом с Парижем. Они с женой ровесники, думаю, и ему и ей под сорок, но карьера у них явно сложилась по-разному! Может быть, у полицейских все так же, как у творческих людей, – для того чтобы стать начальником, одних способностей мало, надо работать до седьмого пота. И Янн вкалывал меньше, чем Фарейн.

Танаэ, едва успевшая сесть, вскочила с места.

– Пьер-Ив, милый, – начала она, – мне очень жаль, но я не могу согласиться с тем, что ты сейчас сказал.

Она почти не притронулась к своей рыбе. Танаэ – это сгусток энергии, она все время работает и говорит. Одновременно. Собирая тарелки, она прибавила:

– К сожалению, не у всех от рождения одинаковая мана.

Прочие разговоры за столом стихли. Обычно Танаэ рассказывала по кругу одни и те же истории, она годами шлифовала их для туристов, которые сменяются в ее пансионе, никогда не задерживаясь дольше чем на три дня. Но на этот раз она, похоже, импровизировала.

Пьер-Ив успел цапнуть горсть чипсов из уру^[Z], пока Танаэ не забрала тарелку.

– А, мана, – без выражения повторил писатель и этим ограничился.

Похоже, только Янн не знал, о чем идет речь. Танаэ не заставила себя упрашивать и объяснила ему.

– Мана, мальчик мой, это наша внутренняя сила. На Маркизах она везде. В земле, в деревьях, в цветах. Везде. Это сила, накопившаяся с незапамятных времен, с тех пор как эта гора поднялась над морем. Но не обманывайся, это не веяние, не воздух, которым ты дышишь, просто так она не передается. Мана идет от предков, ты или получаешь ее, или нет. Ты ее ощущаешь или не ощущаешь. – Танаэ, продолжая собирать тарелки, повернулась к писателю: – К сожалению, Пьер, дорогой мой, мана достается не всем поровну, и ее не добудешь, работая в поте лица. Тот, у кого мана особенно мощная, становится вождем, тому, у кого были воинственные предки, они могут помогать во время охоты, а лучшим танцовщицам движения подсказывает дух многих поколений островитянок, живших до них. Но могу тебя заверить, что у молоденьких бездельниц, которые целыми днями дуют пиво перед «Гогеном», слушая, как орет таитянское радио, никакой маны нет.

Смешная она, эта Танаэ, со своими легендами, родившимися три тысячи лет назад. Пьер-Ив быстренько сгреб себе на тарелку остатки *попои*^[8]. По и Моана, повинуясь безмолвным распоряжениям матери, дружно вскочили и стали убирать со стола. Писатель, промокнув губы салфеткой с маркизским рисунком, заключил тоном человека, умеющего напустить туману так, чтобы правы оказались все:

– Танаэ, я так и сказал. Именно об этом я и говорю. У каждого своя мана, она нас окружает, она передается нам от тех, кто жил до нас, надо только уметь прислушиваться. Можешь называть это как угодно – дар, способность, талант, вкус, но каждый этим обладает, и каждый должен это в себе найти и развивать, чтобы общество могло все собрать воедино.

ПИФ обезглавил последнюю креветку с карри и последние слова почти что выплюнул:

– А твоя мана, дорогая, это пища богов!

Комплимент писателя на полсекунды парализовал Танаэ, и Янн попытался, воспользовавшись этим, положить себе добавку тартара из тунца, но Фарейн оказалась проворнее мужа и передала блюдо По. Ничего не поделаешь.

Вообще-то этот жандарм в отпуске весьма неплохо выглядит, в свои сорок он мужественный, раскованный и спортивный, а вот Фарейн – самая некрасивая из пятерки. Худая, резкая, суровая, прямые светлые волосы ровно подстрижены, и на лице написано, что она не станет терять время на медитации над чистым листом среди кокосовых пальм в ожидании, пока Герман Мелвилл, Джек Лондон или Роберт Льюис Стивенсон передадут ей ману искателей приключений в Южных морях. Откровенно говоря, мне непонятно, какого черта Фарейн заявила на этот остров.

Зато с оставшимися двумя, Клеманс и Элоизой, все ясно. Типичные начинающие писательницы! Правда, Элоизу – она в конце стола – нелегко разгадать. Она самая сексапильная из пятерки, остальным до нее далеко, хотя Клем тоже очень привлекательна, в своем приключенческом стиле. Элоиза, куколка в коротеньких цветастых платьицах, почти никогда не смотрит вам в лицо, позволяя любоваться профилем, перед которым не устояли бы и египетские пирамиды, – изысканная гармония лебединой шеи, маленького уха с сережкой, непокорных длинных черных прядей, выбивающихся из-под ленты или платка. Элоиза одарена той явной красотой, которая магнитом притягивает мужчин, а может, и женщин, и она защищается грустной улыбкой и короткими вежливыми *здравствуйте, до свидания, спасибо, извините*.

Кроме этих слов, Элоиза не говорит ничего. И больше рисует, чем пишет. Темные каляки-маляки, чаще всего изображающие детей. А может, она делает и то и другое? Мне кажется, скорее всего, так и есть. Рисование и сочинительство. Может, прекрасной Элоизе досталась двойная порция маны! Может, она просто медлит с

выбором. Вот и за столом она, единственная из гостей, опасливо пробует стряпню Танаэ, отщипывает крохотные кусочки, если только это не тунец с кокосом и лаймом – ее любимое блюдо.

А вот Клем не знает сомнений. Это касается как стряпни Танаэ, так и ее собственного призвания. Клем – это литература или ничего. Из всей пятерки Клем мне нравится больше всех. С ней так же весело, как с Титиной, и она единственная, кто бросает книжки, чтобы нырнуть в волны, и кто не смотрит на Пьер-Ива как на Будду, к ногам которого надо складывать подношения, по возможности – съедобные. Мне бы хотелось такую маму, как Клем... Но я насчет нее не обманываюсь: из всей пятерки Клеманс, хоть она и выглядит мышкой, нарядившейся рейнджером, больше всех хочет добиться своего. Да, она играет, но играет по-крупному, она много поставила на эту неделю занятий. Другими словами, Клем явно верит в себя.

Вообще-то мне кажется, что Клем с Элоизой немножко похожи. Одного возраста, обе стройные, и от обеих исходит обаяние женщин с характером. Они в некотором роде близнецы. непохожие сестры. Элоиза – в образе задумчивой девочки, Клем – подвижная и косит под мальчишку. Они никогда между собой не разговаривают. Потому что они – соперницы? Потому что обе они – самые талантливые в группе? Им надо делить одну ману на двоих?

Танаэ вернулась с чашками, следом за ней появились По с сахарницей и Моана с кофейником. Ее дочери никогда одна от другой не отходят дальше чем на три метра, они напоминают странного четверорукого зверя, который мигом накрывает на стол и убирает со стола.

Пьер-Ив постучал ложечкой о чашку, призывая к тишине. С обедом покончено, теперь он даст задание на вторую половину дня.

Девочки, за работу!

– Барышни, как по-вашему, – спросил писатель, – с чего лучше всего начать роман?

– С мертвеца! – немедленно отозвалась майор полиции Фарейн.

– Почти угадали! – обрадовался наставник, болтая ложечкой в чашке кофе. – Но есть начало и получше.

На этот раз ни одна из его учениц не решилась ответить.

Лучше, чем мертвец?

Я молча искала ответ. Два мертвеца? Или один, но разбросанный по всем двенадцати Маркизским островам, голова на Нуку-Хива, одна нога на Тахуате, другая – на Тату-Хива? Похоже, ни у кого, даже у Титины и Клем, не было настроения шутить.

Время вышло. ПИФ сделал огорченное лицо и, допивая кофе, ответил сам:

– Лучше мертвого тела – только его отсутствие. Просто исчезновение! Подумайте сами. Если вы начинаете с убийства, читатель задумается над тем, кто его совершил, как и почему. Согласен, это превосходное начало. Но если вы начнете с исчезновения, читатель будет задавать себе все те же вопросы – кто, как, почему, плюс еще один: убит пропавший или нет?

Теперь все промолчали, даже куры и петухи, высматривавшие крошки под столом.

– И приправьте все это, – продолжал писатель, – несколькими загадочными подробностями. Например, находят одежду пропавшего человека, она лежит на виду, аккуратно сложенная, и записку, таинственную зашифрованную записку... И готово дело!

И все? Это и был его гениальный замысел?

Танаэ с дочерьми заканчивали убирать со стола. ПИФ повысил голос, чтобы заглушить звон тарелок, скрежет ножек стульев по полу и шум куриных крыльев, он спешил договорить – точь-в-точь мсье Жако, когда он диктует нам задание, а у нас у всех уже рюкзаки за спиной.

– Ваш ход, дамы, у вас есть вся вторая половина дня, встретимся, когда стемнеет. И да пребудет с вами мана!

А Танаэ, пока все не разбрелись, прибавила:

– Хорошенько выбирайте себе *тики*!

Все знают, что такое тики, с тех пор, как приземлились на Маркизских островах. Надо сказать, здесь трудно их не заметить! На островах Полинезии эти скульптуры видишь повсюду: полулюди, полубоги, с огромными глазами, пузатые, стоящие или сидящие на корточках, деревянные или каменные, гигантские или миниатюрные.

– Вокруг тики, – объяснила Танаэ, – мана сильнее всего, но у каждого тики своя.

Видите ли, Хива-Оа – это остров тики. Некоторым из них по тысяче лет, как улыбающемуся тики или тики в короне, и туристам их обязательно показывают, но теперь по всему острову можно найти десятки других, вдоль дорог, на перекрестках, у дверей лавок.

Я помогла По и Моане отнести в кухню последние стаканы и прибежала обратно. Все, кроме Фарейн и мамы, сутились вокруг стола. Кошки и куры спешили все подчистить. У входа в зал Танаэ, вооружившись метлой, пыталась отогнать петуха Гастона, командира куриного отряда. Здесь всем петухам дают имена политических деятелей, выбирая их в соответствии с предполагаемым характером.

Клем уже направилась вниз, в сторону деревни, на плече у нее висела сумка с запасом бумаги. Я ее догнала, взяла за руку:

– Идем, Клем. Идем, я помогу тебе выбрать ману!

Моя бутылка в океане

Глава 2

Мне трудно угнаться за Маймой. Босоногая тропиканка мелькает среди хлопковых деревьев, огибает узловатые стволы, отстраняет ветки грейпфрутов, увешанные плодами, как лапы рождественской елки – игрушками, и время от времени с широкой улыбкой оборачивается ко мне.

– За мной, Клем, за мной.

Я в своих трекинговых ботинках чувствую себя слонихой. Мы пробираемся через лес уже минут десять, хотя Майма обещала, что мы сделаем всего лишь маленький крюк.

Наконец мы выходим на полянку, усыпанную банановыми листьями. Я уже собираюсь объяснить идущей впереди Майме, что мне пора повернуть назад, что да, согласна, это все великолепно, Маркизские острова – невероятный экзотический сад, здесь есть на что посмотреть, но мне надо писать роман... и тут она внезапно останавливается.

– Мы пришли!

Я всматриваюсь, но ничего не вижу. Майма показывает пальцем на стоящую между деревьями скульптуру высотой около метра.

Тики!

Совсем новенький тики из светло-серого базальта, не тронутый ни одним пятнышком мха, и ноги не опутаны корнями.

Подхожу поближе.

У тики непомерно огромная голова на чахлом теле. Единственный глаз, вырезанный посреди лица. На правом плече сидит каменная сова.

– Что он, по-твоему, изображает?

Мне кажется, что он, с его цилиндрическим телом и единственным глазом, немного смахивает на бестактного миньона Стюарта, но я

держу свое мнение при себе.

– В чем его сила? – уточняет Майма. – Что у него за мана?

Я несколько секунд обдумываю ответ, хотя мне и так все ясно.

Единственный глаз, голова большая, сова.

– Это тики ума, мана мудрости.

Майма вроде бы со мной согласна. Она сдвигает брови и морщит нос, как будто и сама сейчас сведет оба глаза в один.

– Как по-твоему, это девочка или мальчик?

Не в бровь, а в единственный глаз, Майма. Нет никаких видимых признаков, позволяющих определить пол статуи. И я весело отвечаю:

– Мы ведь сошлись на том, что это тики ума? Конечно, девочка, а как же еще?

Майма хохочет так, что, должно быть, сейчас всех птиц в этом лесу распугает, и нетерпеливо тянет меня за рукав.

– Между Тааоа и Атуоной пять тики такого размера. Танаэ говорит, никому не известно, кто их сделал. Островитяне нашли их стоящими между двумя деревьями два месяца назад. Похоже, тот, кто их ваял, свое дело знает, тики точно такие же, каких находят по всему острову. Считается, что их здесь сотни, а туристам и десятой части не показывают. Охотники время от времени натываются на них в недоступных местах, они стоят там веками, покрытые мхом и заросшие папоротниками, и пассаты уносят их ману. Никто ни разу так всех и не пересчитал...

Я едва не падаю, поскользнувшись на гнилом банане, мое ожерелье из красных зерен цепляется за ветку фисташкового дерева, хватаюсь за ствол, чтобы удержаться на ногах.

По всей поляне снова катится звонкий смех Маймы.

– Идем, Клементина, покажу тебе других тики...

Майма! Меня зовут Клем! Клеманс – еще куда ни шло... Только не Клементина! Меня с детского сада бесит эта кличка! Ворча и морщаась, все же иду за Маймой. Мы снова углубляемся в лес, благоухающий сандалом сильнее, чем если бы его опрыскали герленовскими духами.

Да, знаю, мне надо писать роман! Но... тихий внутренний голосок уверяет, что я не теряю время понапрасну. Что важно увидеть этих тики...

Мы выходим из леса, и Майма уверенно сворачивает на тропинку между двумя рядами огненных деревьев. Мы шагаем рядом под ярко-красным сводом. Не ожидала, что моя проводница так хорошо знает все тропинки острова. Мы с ней познакомились два дня назад в аэропорту Папезте, она была с мамой, Мари-Амбр, слишком белокурой для вахине.

– Майма, ты местная или приезжая?

Девочка поворачивается ко мне:

– Клем, я тебе объясню в двух словах. Я росла здесь, на Хива-Оа, до восьми лет, пока папа с мамой не перебрались на Таити. Через полгода папа променял Таити на Бора-Бора, а маму – на Мари-Амбр. А потом мы с мамой и папой катались по всей Полинезии, жили на Хуахине, на атолле Факарава.

До меня не доходит.

– С мамой? Ты имеешь в виду Мари-Амбр или свою прежнюю маму?

Майма притворно вздыхает и смотрит на меня как на ученицу, не понимающую простенькой задачки.

– Мари-Амбр. Но она тоже моя мама. Знаешь, на Маркизах их может быть несколько. Это называется *фааму*. Потом расскажу... Иди сюда, и сразу налево.

И она скрывается за манговыми деревьями.

Я пробираюсь следом, сложившись вдвое под низко растущими ветками.

Совсем недолго, второй тики смиренно ждет в десяти метрах от тропинки.

Он высечен из того же светло-серого базальта, что и первый, примерно такого же роста, около метра, но мана у него явно другая. Я разглядываю каменную корону на его голове, ожерелье вокруг

шеи, кольца на пальцах, серьги в ушах. Повернувшись к Майме, спрашиваю:

– Мана денег? Успеха? Красоты?

Она не отвечает. Я догадываюсь, что тики напоминает девочке ее маму. Похоже, Майме не терпится отсюда уйти.

– Идем, покажу тебе третьего.

Я не двигаюсь с места.

– В другой раз, Майма. Мне надо работать.

Эта хитрюшка умеет разжечь мое любопытство. Она указывает на какую-то точку в более ровной части леса, метрах в пятидесяти от нас.

– Клем, это в двух шагах. Идем.

Я сдаюсь и снова иду за ней. Земля под ногами сменяется плитами из вулканического камня. Майма делает шаг вперед.

– Это *меаз*, священное место древних, здесь приносили в жертву людей...

Посреди обширной террасы стоит третий тики. Все это похоже на опутанный лианами древний индуистский храм, от которого со временем останется только фундамент. Блестящий серый камень тики контрастирует с тускло-серым оттенком плит, на которые его поставили. Я замечаю, что каменное создание держит в руках перо и пальцев у него не десять, а двадцать. А вместо глаз две дырочки, смотрящие в небо.

Майма явно горда тем, что показала мне его.

– Это страж искусств, – говорю я. – Мана творчества.

Моя! Единственная мана, которая что-то для меня значит. Не надо мне ни денег, ни ума, ни красоты. Я подхожу ближе, прикасаюсь к базальту. И ничего не чувствую. Похоже, никакой сверходаренный предок, во тьме веков посещавший это *меаз*, не намерен передать мне свой талант. Опомившись, отдергиваю руки, как будто тики может меня обжечь. Не хватало только поверить в эти легенды...

– Четвертый здесь же. – Майма меня опережает, я не успеваю повторить, что спешу, что мне надо выполнить задание Пьер-Ива,

начать роман, что...

И я его вижу.

Серый тики, близнец трех первых, из того же камня, того же возраста, стоит рядом с тики искусств. На месте глаз крохотные щелки. Ни рта, ни носа, только две ямки на лице без единой морщинки, гладком, как дочиста обглоданный череп. Обеими руками, всеми двадцатью пальцами, он стискивает птичку, и по резному камню вьется бороздка, след ползущей змеи.

Я вздрагиваю.

Тики смерти?

Мана мести? Жестокости?

Почему так близко к мане творчества?

Мне кажется, скульптор ничего не делал случайно, он как будто дал нам ключ. Майма говорила, что тики пять. Появились два месяца назад, когда наша поездка была уже запланирована.

Я размышляю.

Пять тики. Воплощение различных талантов.

Пять участниц.

Стараюсь отогнать дурацкое предположение. А если все было подстроено до нашего приезда? Если у каждой из нас – у Титины, Мари-Амбр, Фарейн, Элоизы и у меня, есть свой тики, если каждой надо найти свою ману?

Может, это ПИФ заказал пять статуй? Может, это входит в программу? Они должны нас заинтриговать? Вдохновить?

Мой взгляд растерянно мечется между тики искусств и тики смерти. Шепчу на ухо Майме:

– Все пять тики – женщины?

– По-моему, да... Знаешь, раньше архипелаг назывался Хенуа Энана, это означает «земля мужчин», но теперь власть захватили женщины.

Заставляю себя улыбнуться. Майме, похоже, тоже беспокойно рядом с тики смерти, и ей хочется покинуть меаэ. Мы взбираемся по крутому склону и через бывшую банановую плантацию выходим на

дорогу, которая ведет напрямиком к атуонскому кладбищу. Ненадолго останавливаюсь, чтобы отдышаться и полюбоваться изумительным видом на бухту Предателей и на пляж. Десятки белых крыш, разбросанных среди пальм, похожи на рассыпанные хлебные крошки, вот-вот с горы Теметиу слетит гигантская птица и склюет их.

– Если хочешь увидеть последнего тики, надо поворачивать обратно, – говорит Майма. – Он стоит как раз над пансионом, на пути к порту Тахауку.

Я прикидываю, что этот крюк отнимет больше четверти часа. Сумка с кое-как в нее впихнутыми книгами, блокнотом и стопкой бумаги оттягивает плечо. Майма, к сожалению, на этот раз мне и правда пора заняться делом.

Подняться чуть повыше, устроиться рядом с кладбищем – по моему, лучше не придумаешь.

– В другой раз, детка...

Майма вроде бы не обижается.

– Ну ладно... Как бы там ни было, ты мимо не проскочишь. Если, выйдя из пансиона, пойдешь направо, непременно на него наткнешься.

Мне не дает покоя один вопрос.

– А... что за мана у этого последнего тики?

Майма переминается с ноги на ногу, готовая сорваться с места.

– Меня Янн ждет, – объясняет она. – На пляже. Займемся серфингом, поучу его. У нас есть вся вторая половина дня, пока вы будете делать уроки.

Она уже спускается по склону, но я повторяю вопрос:

– Что у него за мана?

Майма неопределенно машет руками.

– Не знаю. Это единственный, к которому я еще не ходила. Но Танаэ говорит, что это мана доброжелательности. Чуткость, доброта, что-то в этом роде. Это единственный улыбающийся тики. И единственный тики с цветами. У него тоже двадцать пальцев – по крайней мере, так мне сказала Танаэ...

* * *

Сажу на траве как раз под атуонским кладбищем. На коленях блокнот, ручка наготове. Отсюда открывается вид на деревню, на пляж и на Тихий океан.

Волшебный вид.

Им могут полюбоваться и Брель с Гогеном, оба тоже неплохо устроились несколькими метрами выше, чем я, – правда, лежа.

Они не прогадали, это самый красивый вид на Хива-Оа. Впрочем, Титина с Элоизой тоже здесь. Элоиза забралась повыше, она сидит рядом с могилой Гогена, с большим красным камнем, словно выброшенным вулканом. Как всегда, Элоиза предоставляет мне любоваться лишь ее профилем, небрежно склотыми волосами и заткнутым за ухо белым цветком, явно украденным у голой плюмерии, осеняющей могилу художника. Лишенное листьев дерево над стелой тени не дает и напоминает непокорный скелет, который не позволил себя закопать.

С моего места не разглядеть, рисует Элоиза или пишет. Я подозреваю, что карандашом она владеет лучше, чем ручкой.

Титина сидит ближе ко мне, метрах в пятидесяти, на парео, расстеленном рядом с памятником на могиле Жака Бреля и с черными камешками, которые паломники, осиротевшие поклонники бельгийского певца, подбирают на атуонском пляже. Они пишут на камешках послания белым фломастером и складывают их у подножия стелы.

Когда у тебя есть только любовь

Я принес вам камень

В шести футах под землей ты еще поешь...

Несколько вырезанных на мраморе слов приветствуют путников.

Прохожий

Человек под парусами

Человек под звездами

Поэт благодарен тебе за то, что ты прошел здесь

Титина кивает мне. Похоже, я ее застучала, когда она дремала, вместо того чтобы писать.

Мне очень нравится Мартина, больше всех остальных из нашей пятерки. Я даже начинаю любить Брею, ее любимого певца, от которого здесь, на острове, некуда деваться. Кажется, до того, как сюда приехать, я знала не больше пяти его песен...

Покусываю ручку. Не могу сосредоточиться. Вспоминаю свою короткую прогулку по лесу с Маймой.

Пять участниц.

Пять тики.

Кто есть кто?

Мари-Амбр, мама моей подружки Маймы, благополучная блондинка, жена полинезийца, который сколотил состояние на выращивании черного жемчуга, очень похожа на покрашенную, с откачанным жиром и закачанным силиконом вариацию тики с украшениями – божество денег и внешности.

Датчанка Фарейн, майор полиции, могла бы претендовать на тики ума.

А остальные?

Титина лет двадцать ведет блог «Эти слова». Каждое лето она возит детей из Схарбека, брюссельского предместья, на пляж в Остенде, у нее десяток кошек... По-моему, ее как раз и окутывает мана доброжелательности.

Остаются тики таланта... и тики смерти.

Элоиза и я!

Я поднимаю глаза, неспособная сосредоточиться на задании, которое дал нам Пьер-Ив.

Начать с исчезновения. Придумать, что случилось дальше...

Я наблюдаю за деревней, она похожа на макет, населенный крохотными человечками. Замечаю Майму, бегущую по тропинке к пляжу. Янн ждет ее у черных скал, обеими руками прижимая к себе белые бодиборды. Чуть подалее Мари-Амбр и Фарейн работают за столами для пикника, сидя лицом к океану. Только они и устроились поближе к воде. Деревенские дети сейчас в школе, а немногочисленные туристы где-то бродят.

Дневник Маймы

Серфинг на Хива-Оа

– Ты правда полицейский?

Чтобы показать Янну, как сильно в этом усомнилась, я скользнула взглядом по его майке в пальмах, по ярко-розовым шортам и снова уставилась на майку.

– Жандарм, – ответил он. – Капитан жандармерии. Бригада в Нонанкуре, это рядом с Дрё, но уже Нормандия. Там все разгуливают в бермудах и носят рубашки в цветочек, немножко как в сериале «Полиция Гавайев».

Ага, как же!

Я забрала у капитана одну из досок.

– Все равно не похож ты на полицейского. Не то что твоя жена. Зато она не похожа на писательницу.

Мы дружно повернулись к Фарейн, которая сидела в двух сотнях метров от нас, склонившись над своими листочками и пристроив рядом с собой бутылку воды и несколько книг.

– Она пока что не писательница, – признал Янн. – Но думает, что да.

Взглянув на маму, которая сидела чуть подальше, тоже лицом к воде, я перелезла через каменную дамбу, защищающую деревню от внезапных припадков ярости океана, и спрыгнула на черный песок двумя метрами ниже.

– А ты, капитан, что здесь делаешь?

Янн, в свою очередь, оседлал дамбу. Далеко не так ловко, как я. Поерзал и только после этого ответил:

– Моя жена – майор полиции, служит в Центральном комиссариате пятнадцатого округа Парижа. Она зачитывается книгами Пьер-Ива Франсуа. Вместе с тысячами других читательниц она участвовала в этом конкурсе, устроенном его издателем.

Литературная мастерская, неделя вместе с автором на краю света! Она не то выиграла конкурс, не то ей это выпало по жребию, толком не знаю. Неделя на Маркизских островах! Само собой, я поехал с ней.

Угу... Странно, но почему-то я совершенно не поверила в эту историю про полицейскую суперзвезду, мечтающую стать еще и детективной звездой. Потом разберусь... Бросив доску на пляже, я направилась к воде. Ноги по щиколотку утонули в песке, как будто их облепили тысячи муравьев. Стягивая шорты и майку, я крикнула Янну:

– А ты, капитан, читать не любишь?

– Да нет, не очень.

Оставшись в одном бикини, я пошла навстречу волнам. Обернулась к жандарму – тот осторожно пристраивал свои сандалии на полоске сухого песка.

– Да ты и спорт не очень-то любишь. Настоящие спортсмены, прилетев сюда на неделю, топают к водопаду или ныряют метров на тридцать, чтобы посмотреть на морских дьяволов, а не шлепают во вьетнамках. Ты хоть на доске-то кататься умеешь?

– На водных лыжах катался... – рассеянно ответил Янн. – За баржами на Эре.

Он высматривал что-то среди черных камней в конце пляжа, там, где паслись на привязи две лошади. Странно. Я тоже посмотрела в сторону изрезанного рифами берега.

И мой взгляд остановился там же.

Я вспомнила разговор за обедом, слова Пьер-Ива, упражнение, которое он придумал.

Каким бы невероятным это ни показалось, вымысел только что обернулся реальностью.

Моя бутылка в океане

Глава 3

Заставляю себя отвести взгляд от черного пляжа, сосредоточиться на белой странице.

Ручка вьется над ней, вместо того чтобы писать.

Пять участниц, пять тики...

Я решительно неспособна сосредоточиться на задании ПИФа. Ни о чем не могу думать, кроме маны.

А вдруг я ошиблась?

Вдруг не каждая из нас должна найти свое божество, а надо приручить их все? Как набор качеств, которые надо в себе воспитать.

Поскольку начало романа мне не дается, пишу на листке пять слов.

Чуткость

Воображение

Ум

Уверенность

Решительность

Если вдуматься, я, пожалуй, ничем не выделяюсь, у меня нет никаких особых талантов. И я прекрасно знаю, что некоторые девушки одарены всем, и щедро, всеми пятью манами. По каждому предмету десять баллов из десяти.

Искать свою ману? Ну допустим... А что, если все это жульничество? Все равно что спросить у двоечника, какой предмет у него любимый, чтобы ему не так тошно было рядом с отличниками, которые вкалывают даже на тех уроках, которые ненавидят.

Я выдираю страницу. Комкаю ее, заталкиваю поглубже в карман.

И все же я хочу в это верить!

В свою ману.

В свой роман.

Не могут быть иллюзорными эта сила, которая заставляет меня складывать вместе слова, эта одержимость фразами, этот свет, притягивающий меня с тех пор, как я научилась читать.

Главное в жизни для меня – это писать.

Писать роман. МОЙ роман.

Я готова жизнь отдать взамен, я готова ею пожертвовать, истязать себя ради того, чтобы извлечь из этого ощущения, раны и ожоги придадут силу страницам, которые прочтут другие.

Пьер-Ив может это понять. Он выбрал мое письмо, выбрал Клеманс Новель почти что из тридцати двух тысяч читательниц.

Пьер-Ив это поймет. Этот пыл.

Но для начала я должна сдать ему безупречную работу.

Ну, Клем, птичка моя, встряхнись!

С ужасом смотрю на чистую страницу, машинально перебирая красные зерна моего ожерелья, которое должно приносить удачу.

Начать с исчезновения. Придумать, что случилось дальше...

Опускаю ручку, готовлюсь написать первое слово, как пробуют пальцем ноги ледяную воду... и тут снизу доносятся крики.

Я вскидываю голову. Какого черта! Только собралась начать.

Кричит Майма.

Вижу, как она размахивает руками. Рядом с ней, на черных камнях, Янн. У их ног аккуратно сложенная одежда, на самом видном месте и на самом высоком камне, куда не добраться волнам.

Я мгновенно все понимаю.

Дневник Маймы

Исчез

– Это одежда Пьер-Ива! – закричал Янн.

Я и сама узнала итальянские мокасины писателя, его светлые полотняные штаны, льняную рубашку. Одежда была старательно сложена на камне, так сложил бы ее пловец, чтобы после купания найти вещи сухими.

Я ничего не понимала и потому пыталась иронизировать.

– Круто, капитан. Наблюдательность, дедуктивный метод – да ты, похоже, настоящий сыщик!

Янн никак не отреагировал. Я догадалась, что он боялся сбиться с мысли. Аккуратно сложенная одежда ПИФа настойчиво давала понять, что ее владелец отправился плавать... Вот только невозможно плавать здесь, где океанские волны разбиваются о скалы. Они в конце концов неминуемо выбросили бы на камни неосторожного пловца.

Для очистки совести я всмотрелась в океан – сначала у скалы Ханаке, потом перевела взгляд на пролив Борделе между островом Тахуата и мысом Теаехоа. На горизонте не было никого и ничего, даже ни одной пироги. Капитан тоже посмотрел вдаль. Пока он размышлял, я, присев на корточки, потянулась к мокасинам.

– Постой! – выкрикнул Янн. – Не трогай их!

Он орал во все горло, чтобы перекрыть грохот волн. Интуиция подсказывала мне, что картинка не складывается. Его окрик, подхваченный ветром, пролетел над всем пляжем.

Мама и Фарейн, сидевшие за своими партами, оторвались от работы. Я замерла.

В нескольких сантиметрах от моих ног волны неумолимо заливали камни, а солнце, выбиваясь из сил, их сушило. Только тогда я

заметила, что поверх стопки одежды что-то трепетало и поблескивало.

Не сразу поняла, что это листок бумаги.

Листок, придавленный крупной галькой, которая не давала ему улететь.

И галька эта была вся изрисована.

Моя бутылка в океане

Глава 4

Напоследок я еще раз оглядываю пляж, фигурки, которые кажутся отсюда куколками из «плеймобиля»: Майма и Янн балансируют на камнях, к ним бегут Фарейн и Мари-Амбр... Смотрю на стопку одежды, сложенной, будто приношение, на самом высоком камне.

Итак, выходит Пьер-Ив Франсуа сделал первый удар по мячу.

Я вспоминаю, что он говорил в конце обеда.

Если вы начнете с исчезновения, читатель будет задавать себе все те же вопросы – кто, как, почему, плюс еще один: убит пропавший или нет?

Яснее не выскажешься...

Приправьте все это несколькими загадочными подробностями. Например, находят одежду пропавшего человека, она лежит на виду, аккуратно сложенная, и записку, таинственную зашифрованную записку... И готово дело!

И готово дело!

Пьер-Ив хочет, чтобы мы писали продолжение, минута за минутой, час за часом, в реальном времени! Он состряпал для нас небольшую инсценировку в духе *murder party*...^[9] Теперь наша очередь – толковать, шевелить мозгами, придумывать продолжение.

Не я одна услышала крики на пляже. Элоиза покинула могилу любимого художника, собрала свои тетрадки и карандаши и спешит к остальным. Поравнявшись со мной и даже не обернувшись, так что я вижу лишь ее трагически-печальный профиль, бросает на ходу:

– Ты идешь, Клем?

– Сейчас, сейчас...

Она меня не ждет. Шагает так стремительно, что цветок плюмерии, торчащий у нее за ухом, падает на обочину шоссе. Элоиза такая

дура, что попалась в грубо сработанную ловушку? Ее спешка кажется мне до странности преувеличенной. Они что, все в самом деле заглотнут наживку, поверят, что ПИФ исчез?

Сейчас, сейчас, повторяю я про себя, глядя вслед Элоизе.

Только напишу несколько слов.

Вдохновение – это волна, которой надо отдаться, и я чувствую, как она меня подхватила.

Мимо проходит и Титина, куда медленнее, чем Элоиза, которая уже скрылась за сувенирной лавкой. Семидесятилетняя старушка спускается по крутому склону очень осторожно. Смотрит, как я пишу, и тактично не отвлекает, только улыбкой дает понять, что внизу что-то случилось, что ей поневоле приходится уйти от могилы ее милого Жаки и возможно даже, что она вверяет ее моим заботам.

Жду, пока Титина потихоньку-полегоньку отойдет на несколько метров. Наконец-то я одна, и моя ручка резво бежит по бумаге.

Ну что, поехали?

Кучка одежек на пляже – это все, что от него осталось?

История начинается здесь и сейчас!

Что ж, вперед, дорогие читатели!

Моя бутылка в океане

Дневник Клеманс Новель

Круто, да?

Я расскажу вам все, как и велел нам Пьер-Ив. Брошу в океан свою бутылку. Начну вести дневник. Минута за минутой, час за часом, день за днем, что бы ни случилось. Мои впечатления, мои чувства, как можно скорее и с предельной честностью.

Можете на меня положиться, я не стану жульничать. Я знаю, что играю по-крупному.

Пьер-Ив дает мне шанс, возможно – единственный в жизни, и нельзя его упустить!

Не представляю, какие повороты запрограммировал его плодовитый ум, но предполагаю, что он затащит нас на непредсказуемые вершины практических работ. Пьер-Ив дает нам сценарий – а наше дело найти слова!

Вот потому я и не кидаюсь вперед очертя голову, как сделали Элоиза, Мари-Амбр, Фарейн и Титина. Прежде чем начать свой рассказ, я должна дать вам, дорогие читатели, кое-какие пояснения. Собственно, они сводятся к одному.

Можете на меня положиться!

Вообще-то я не люблю детективы, где герой выступает в роли рассказчика. Откровения ведущего расследование от первого лица. И вы тоже? Привыкли быть начеку с тех пор, как прочитали «Убийство Роджера Экройда» Агаты Кристи? И задаваться вопросом: а что, если рассказчик мне врет? Не говорит мне всей правды! Или попросту грезит, фантазирует, бредит, галлюцинирует. Не на что опереться, все рассыпается, иррациональное объясняется каким-нибудь вывертом, все, что вы прочли, – неправда.

Так вот, дорогие читатели, я торжественно обещаю не жульничать. Говорить вам всю правду. Быть откровенной. Не обманывать вас.

Разумеется, вы не обязаны мне верить. Больше того, в этом и заключается вся ирония ситуации, мое обещание заронит в вас подозрения. Как ни парадоксально, после этого обещания вы начнете сомневаться во всем, что я пишу...

Спорим?

Долго ли вы продержитесь, прежде чем начнете думать, что я вам вру?

И, если надо в конце концов назвать виновного, в какой момент вы сломаетесь, решите ткнуть в меня пальцем? Даже если я поклянусь вам, что это не я!

На что спорим? Я уверена, что вы уже в нерешительности.

Поверьте, мне искренне жаль, но я ничего больше не могу сделать, кроме как поклясться в вашем присутствии: в этом романе я вам ни разу не солгу.

Встретимся на последней странице?

Вы тоже будете искренни? Если вы засомневаетесь, будете меня подозревать, обвините, вы в этом признаетесь? Обещаете мне?

Телефон звонит в ту самую секунду, когда я собираюсь перечитать написанное. Как и все остальные, я купила местную симку с предоплатой. Для приезжих это единственная возможность связи на острове.

Звонит Майма.

– Чем ты там занимаешься, Клем? Тебя все ждут. Нашли одежду ПИФа. Только одежду и...

– Сейчас, Майма, уже иду.

Но, прежде чем закрыть блокнот, я еще немного медлю, обдумываю.

Я догадываюсь, что четвертая глава моей океанской бутылки, должно быть, напоминает какое-то странное, плохо составленное предисловие, что издатель велел бы его переписать, а читатели бы

уже разбежались. А может, и нет... Как знать? Читателям нравятся странные интриги. А главное...

Я выпендриваюсь со своим закрученным предисловием, но в горле у меня стоит едкий комок.

Игра, которую придумал для нас Пьер-Ив?

Ни малейшего представления не имею о том, чего он от нас ждет.

Что он о нас думает.

Что он с нами сделает.

Дневник Маймы

Тактичность

Янн следом за мной забрался на камень. В нескольких сантиметрах от моих ног стояли мокасины, лежали штаны и рубашка. Придавленный галькой листок бумаги бился на ветру. Невозможно было ни разобрать, что на нем написано, ни разглядеть белых рисунков на камешке.

Капитан наклонился над брошенной одеждой, но его остановил резкий голос жены:

– Янн, не смей ничего трогать!

Очень тактично! Фарейн-майорша и мама осторожно пробирались к нам, выискивая между камнями самый ровный и сухой путь.

Капитан слабо вздохнул, так, что одна только я и услышала. Должно быть, сдерживался, чтобы не ответить жене, что он не настолько тупой, что он тоже профессионал, что он знает про отпечатки пальцев, капли пота и волоски, что жандарм – не значит деревенщина и что...

Мамин голос сбил меня с мысли.

– Поберегись, дорогая моя! Смотри, как бы тебя волной не смыло.

Очень тактично! Теперь вздохнула я, но не стараясь это скрыть. Безрадостно наблюдала за мамой, которая в своей тесной юбке из лайкры шла по черным камням, словно по канату, и вскрикивала всякий раз, как волна лизнет ей ногу. Так и хотелось ответить, что лучше бы ей снять сандалии с блестками, если она не хочет бултыхаться в воде наподобие краба с золочеными клешнями.

Но я ничего не сказала. Как и Янн, проглотила молча. Мы с капитаном улыбнулись друг другу, будто сообщники, это лучше всяких слов.

С минуту мы ждали, чтобы они обе к нам присоединились. Затем Фарейн-майорша принялась не спеша изучать обстановку, а маму,

казалось, больше беспокоили следы, которые соленая вода оставила на ее сандалиях, – в конце концов она их сняла.

– Думаю, Пьер-Ив припас для нас первый тест, – заключила Фарейн. – Не найти такого идиота, который бросился бы в воду среди этих камней.

– И все совпадает с тем, что он говорил нам во время обеда, – подхватила мама. – Стопка одежды и зашифрованное сообщение.

Она посмотрела на камешек, переложила сандалии из левой руки в правую и, не дав никому опомниться, схватила его.

Янн только и успел крикнуть:

– Нет!

Листок, лежавший под камнем, на какое-то мгновение замешкался, как будто удивляясь тому, что свободен, но тут же упорхнул прочь с первым же дуновением ветерка.

Фарейн-майорша испепелила маму взглядом, та мигом осознала свой промах, но я уже поскакала по камням, исправляя его.

– Осторожно, моя дорог...

В три прыжка я нагнала листок, придавила его ногой, подобрала и вернулась.

– И что там? – спросил Янн.

– Ну читай же, что там написано! – приказала Фарейн. – Все равно на отпечатки можно уже не рассчитывать.

Можно подумать, я в этом виновата! Смерив командиршу взглядом, я опустила глаза на письмо.

– Это... утреннее задание. Это... это работа Титины.

– Читай, – раздраженно повторила Фарейн. – Если ПИФ оставил нам этот листок, он что-то имел в виду.

Я подошла к ним еще ближе, перевернула листок. Первое, что бросилось в глаза, – рисунок: цепочка с подвешенной к ней черной жемчужиной. А под ним строк двадцать мелким почерком. И я начала читать, довольно громко, чтобы шум океана не заглушал моего голоса.

Моя бутылка в океане

Часть II

Рассказ Мартины Ван Галь

До того, как умру, мне хотелось бы...

Успеть оставить последнее сообщение в «Этих словах», попросить вас, чтобы вы смеялись, танцевали, развлекались вовсю.

Проститься с каждой из моих десяти кошек.

Чтобы все дети Брюсселя, Льежа, Намюра, Монса и Лувена хоть раз увидели море.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Чтобы Бельгия выиграла чемпионат мира по футболу!

Чтобы бельгийский автор комиксов получил Нобелевскую премию по литературе! В конце концов, дали же они ее Бобу Дилану.

Чтобы Бельгия стала прекрасным французским краем, с фламандцами или без.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Увидеть Венецию (но не Северную, с ее шоколадом и кружевами) [\[10\]](#), а настоящую!

До того, как умру, мне хотелось бы...

Поклониться могиле Жака Бреля.

Спасибо, ПИФ, спасибо, Танаэ, это уже сделано!

После смерти я хотела бы

Чтобы меня похоронили рядом с ним, если там есть место для меня.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Еще раз увидеть, один-единственный раз, единственного человека, которого я любила за всю свою жизнь.

Моя бутылка в океане

Глава 5

Разумеется, я пришла последней.

Майма не отлипает от телефона, все время, пока я спускалась, она дергала меня сообщениями. *Куда ты подевалась? Все здесь, кроме тебя!*

Иду, девочка моя, иду.

Янн смотрит на меня странно, и еще более странно смотрит остальная четверка, как будто мы, все пятеро, играем в «Клудо» гигантского размера или проходим квест, где команда всегда должна оставаться сплоченной и та, что мешкает и копается, становится обузой.

Ну ладно, подружки, мы вышли из возраста, когда играют в такие игры!

Посмотрите, как я запыхалась! Я не притворяюсь. Закрыв блокнот, я тут же прибежала вниз от кладбища так быстро, как только смогла.

Чувствую, что я их не убедила.

Пьер-Иву явно удалось задуманное – своей инсценировкой поставить всех на уши. Очень может быть, что он подсматривает за нами через подзорную трубу откуда-нибудь с вершины горы Теметиу и развлекается, глядя, как мы друг на дружку косимся.

А через несколько часов будет развлекаться, читая разные версии своего исчезновения, сочиненные нами.

Ловко придумано, ПИФ.

Мы, вся пятерка, молча стоим на черных камнях перед штанами, рубашкой и парой мокасин. Похоже на незадавшиеся похороны! Погребение типа, который в последний момент предпочел быть кремированным. Нагишом. Только одежда от него и осталась, а труп превращен в пепел и развеян.

В нескольких сотнях метров от нас снова открываются двери Культурного центра Бреля. Голос Жака пробирает меня как никогда раньше.

Нам остается жульничать, пики ходят с червей,
Страх отыгрывается, дьявол идет с цветка.

Я узнаю песню из фильма «Король без развлечений». Саундтрек – тоже часть инсценировки?

Фарейн хочет что-то сказать, но Янн ее опережает. Думаю, все ему благодарны за то, что на этот раз он решил выступить в качестве представителя власти.

– У меня такое впечатление, что ваш писатель хочет, чтобы вы приняли участие в игре, провели расследование. Так что извини, дорогая моя, – Янн говорит это, не глядя на жену, – но, как бы там ни было, это входит в программу занятий, это явное продолжение задания ПИФа, и ты должна играть наравне с другими. – Янн обводит нас взглядом, всех, кроме нее. – Не играем только мы с Маймой. Если она согласна, мы вдвоем будем арбитрами. Жандармами, если тебе так больше нравится.

Фарейн напряженно слушает. Она не решается прилюдно спорить с мужем, но я догадываюсь, что сегодня вечером на супружеском ложе между маленьким капитаном и большой майоршей состоится бурное объяснение.

Янн держит в руке листок. Почерк я узнаю, но я пришла слишком поздно и чтение пропустила.

Жандарм размахивает листком, будто уликой.

– Почему Пьер-Ив оставил нам этот листок? Тайна... Нам вроде бы ничего не дает перечисление всего, что Мартина хочет сделать до того, как умрет. Ваш преподаватель обошелся без комментариев, так что неизвестно, оценил ли он бельгийский юмор.

Зато жандармский юмор заставляет некоторых из нас улыбнуться, меня в том числе.

– Остается галька, – продолжает Янн. – Несомненно, это ключ. Рисунок напоминает маркизскую татуировку. Кто-нибудь из вас может сказать, что она означает?

Он поднимает руку повыше, чтобы мы могли рассмотреть рисунок белым фломастером на черном камне.

Сначала смотрит на Майму, та отрицательно качает головой, потом на Мари-Амбр, которая тоже не в курсе, потом на Фарейн. За те два дня, что знакома с женой Янна, как и со всей остальной нашей маленькой компанией, я еще ни разу не видела майоршу в таком волнении. Она впивается глазами в рисунок так, будто перед ней сатанинский символ. Я совершенно уверена, что она видит его не впервые.

И у меня появляется куча вопросов. Зачем этот рисунок на камешке? Откуда эта парижская полицейская его знает? ПИФ, ты своего добился, моя бутылка, которую я брошу в океан, уже превращается в детективный сериал.

Янн, похоже ничего не заметив, продолжает показывать всем камешек.

– Это Эната, – произносит робкий голос позади нас.

Мы все оборачиваемся, даже Фарейн.

Я не могу опомниться.

Заговорила Элоиза. Безмолвная наша.

– Это одна из самых распространенных маркизских татуировок, – поясняет Элоиза, накручивая пряди волос на пальцы. – Она изображает мужчину. Или божество. Или соединение того и другого.

Рисунок комбинируют с другими символами, чтобы отмечать моменты жизни. Рождение, свадьбу, смерть.

Она никогда раньше не бывала на Маркизских островах, два дня назад прилетела впервые... Откуда тогда ей это известно? Потому что она увлекается рисованием? Или она тоже что-то скрывает? Чтобы опередить нас в этой игре?

В игре, которая решительно начинает действовать мне на нервы! Чего ПИФ добивается со своими дурацкими уликами? Чтобы мы начали строить бредовые предположения и у нас получились бы совершенно разные истории?

Майма по камням подходит ко мне. Двери Центра позади нас распахнуты настежь, Жак прокликает свою Фанетту:

Безлюдный пляж в июле – это ложь.

Этот намек тоже был запрограммирован ПИФом? Янн пытается, как может, разрядить обстановку.

– Все, девочки, разошлись. Вам надо много чего записать в ваши тетрадки. – Глянув в сторону «Опасного солнца», он поворачивается к океану и смотрит на катера, которые возвращаются с уловом в порт Тахауку. – И не беспокойтесь о своем писателе, Пьер-Ив вернется к ужину. Может, даже к полднику... Странно было бы, если бы он отказался от каштаново-бананового поэ Танаэ.

Должна вам кое в чем признаться: я в восторге от юмора этого жандарма.

Дневник Маймы Эната

Предсказание не сбылось, мой капитан. Пьер-Ив Франсуа к полднику не вернулся.

Каштаново-банановое поэ склевали куры Танаэ. Литераторши к нему не притронулись, они были слишком озабочены... Хотя не то чтобы всерьез встревожены. Пьер-Ив за обедом ясно сказал, давая задание:

Ваш ход, дамы, у вас есть вся вторая половина дня, встретимся, когда стемнеет.

То есть около шести, и теперь до встречи оставалось меньше часа. Понятно, как провела это время каждая из его читательниц. Все усердно писали.

Титина спустилась к Культурному центру Бреля, мама и Фарейн снова устроились за своими столиками на пляже, Элоиза вернулась на кладбище, а Клем осталась в своей комнате.

Мы с Янном вдвоем шли по деревне, направляясь от почты к лавке. Солнце уже скрывалось за вершиной горы Теметиу. Каждый вечер темнота за считанные минуты окутывала бухту Предателей, заливала черным краски неба так же стремительно, как пять учениц ПИФа исписывали черными строчками белые страницы. Гармония синевы и пламени над Тихим океаном, едва сложившись, тотчас тонула во тьме. Глядя, как черный ластик стирал контуры скалы Ханаке, я дернула Янна за рукав:

– Знаешь, капитан, мне кажется, мы с тобой еще побудем вдвоем. У нас есть полчаса до отбоя, как насчет счастливого часа где-нибудь на террасе?

Янн насмешливо подхватил:

– Давай! Куда пойдём? В какой бар? «Голубая лагуна»? «Палладиевый закат»? «Вайкики»?^[11]

Хи-хи!

Янн признался, что когда он бесцельно шатался по Атуоне в день приезда, для него полной неожиданностью было отсутствие хоть какого ресторана, даже бара в деревне не было, только фургончик, забегаловка с тремя столиками и десятком пластиковых стульев, которая открывалась в обед и иногда ночью.

– Выбираем лавку Гогена! – радостно откликнулась я.

И решительно перешла улицу, протискиваясь между пикапами, которые на несколько минут останавливаются перед деревенской лавкой, загружают багажник и отбывают в долины, к банановым и кокосовым плантациям. Атмосфера вестерна. Янн ждал меня у входа, глаз не спуская с островитян с фигурами регбистов, татуированными торсами и подвязанными хвостиками на макушках.

Я вышла с литровой бутылкой колы, упаковкой печенья «Орео», четырьмя чупа-чупсами и широкой улыбкой.

– Проведем счастливый час на пляже?

У Янна вид был куда более кислый, чем у моих покупок. Ну и пусть, у меня всегда наготове веские аргументы.

– Эй, капитан, ты чего, только не надо говорить мне про нездоровую пищу и избыточный вес! Все население планеты такое ест, почему же люди с Маркизских островов должны себе в этом отказывать? – Откручиваю крышечку колы. – И потом, это хорошо с точки зрения экологии.

Поднесла горлышко к губам. Жандарм закатил глаза, но все же пошел следом за мной в сторону пляжа. Выхлебав треть бутылки, я объяснила:

– Так вот, посмотри вокруг. Пикапы, готовая еда, тряпки, телефоны... Сегодня можно что угодно заказать через интернет, и меньше чем через неделю это доставят на Хива-Оа! Незачем скакать верхом, чтобы поохотиться в лесу на кабана. Здесь оставят одну-две дороги между деревнями, а весь остальной остров вернут природе, пути – предкам, и тики смогут спокойно спать на своих меаэ.

Янн улыбнулся. Не уверена, что мне удалось навешать ему лапши на уши. Мы миновали заброшенное строение. На случай, если он не заметил надпись на фронтоне, я пояснила:

– До прошлого года здесь были жандармы. Твои коллеги. Сокращение бюджета. На Хива-Оа меньше двух тысяч постоянных жителей и почти не осталось дикарей, которым надо нести цивилизацию.

Мы срезали напрямик между уже закрытыми парикмахерской и аптекой, пересекли пустое футбольное поле. Когда мы дошли до его центра, я предложила:

- Может, поиграем во время счастливого часа?
- Во что ты хочешь играть, Майма?
- В расследование, вместе с тобой!

* * *

Мы сидели на пляже. Соленые брызги пахли йодом, от манговых деревьев тянуло кисленьким. Фрегаты, покружив над нами, улетали к середине бухты, к скале Ханаке. Янн в конце концов согласился глотнуть колы. Когда он поставил темную бутылку на такой же темный песок, я повторила:

- Так что, ты согласен вести расследование вместе со мной?
- Какое еще расследование?
- Не притворяйся, ты сам прекрасно знаешь какое. У меня с самого начала такое впечатление, что мы попали в детективный роман, это немножко похоже на «Десять негритят». Мужчин и женщин, незнакомых между собой, под липовым предлогом заманивают на остров. Каждый в этой компании может оказаться преступником. Надо найти убийцу до того, как их всех поубивают, одного за другим.
- Майма, у тебя богатое воображение. Но пока что никто не умер. По-моему, нет никаких оснований беспокоиться из-за этого шутника

ПИФа. Видишь ли, даже если по острову бродит убийца, не думаю, что это одна из пятерки. Первым делом я заподозрил бы островитянина, пьяницу и драчуна.

Привет штампам!

– С ожерельем из кабаньих зубов на шее и кастетом в руке? Не слишком ли просто, капитан? Мне больше нравится моя история. «Пять милых читательниц», пять – как и новеньких тики. Каждая из них скрывает тайну. Одна из них совершила убийство. Одна из них выживет... или нет!

Море продолжало отступать. На темно-синем небе угасали последние огненные всполохи. Янн в конце концов выдул половину моей колы. С подозрением огляделся – кругом темно, не различить даже силуэтов мамы и Фарейн за столиками рядом с молом.

– Ладно, – согласился он, – поиграем в твою дурацкую игру. ПИФ исчез. Будем считать, что одна из пятерки – сообщница, что она не случайно была выбрана для участия, и попытаемся угадать, кто она. С кого начнем?

Я долго не раздумывала.

– Конечно, с твоей жены. С майора Фарейн Мёрсен. Ты не обидишься, если я буду с тобой откровенна? Между нами нет никаких табу? Если мы хотим довести расследование до конца, мы должны говорить друг другу все.

– Валяй. – Янн улыбнулся.

– Ты уверен, что не обидишься?

– Валяй, сказано тебе...

– Хорошо, капитан. Фарейн очень умная, это видно с первого взгляда. У нее мозги работают с бешеной скоростью, как компьютер. Дай ей пазл с изображением голубой лагуны из тысячи кусочков, и она соберет его за десять минут. Ей незачем быть приветливой, обаятельной. Она всегда права, она командует, и ей подчиняются, верно?

Возможно, я зашла слишком далеко, но капитан не возмутился. Настолько привык сдерживаться? Или я попала в яблочко?

Продолжая говорить, я попыталась разглядеть в темноте выражение лица Янна.

– Переходим к ее тайне. Первая странность: как майора полиции из столичного Центрального комиссариата занесло сюда, в литературную мастерскую на краю света? Да, знаю, мы уже об этом говорили, но меня не убедила ее сказка про фанатку автора, которая выиграла главный приз. И вторая, еще более странная: как твоя жена связана с этим маркизским камнем, лежавшим поверх вещей ПИФа? Видно же было, что ей известно его значение, но она ничего объяснять не стала.

Тени манговых деревьев над молом казались выброшенными приливом скелетами.

– Отличный ход, Майма, – ответил Янн. – Отлично подмечено. Отлично сформулировано, ты способная. И не так уж далека от истины, но пока слишком рано тебе об этом рассказывать...

Меня предельно бесила таинственность, которую он напускал, хотя я была уверена, что капитан, в отличие от его жены, понятия не имел, что означал этот рисунок – Эната.

– Ну что, теперь моя очередь? – прибавил он.

– Валяй... Я уверена, что ты начнешь с мамы. Просто в отместку.

– Значит, твоя мама, – согласился черный силуэт, не подтверждая и не отрицая. – Мари-Амбр Лантана. На первый взгляд у нее нет никаких тайн. Она еще довольно молода, довольно красива, очень богата...

– «Шлюха»! Давай, так и скажи! Хотя я столько раз видела, как ты пялишься на ее декольте.

– Я тебя не перебивал, – спокойно заметил жандарм.

– Ладно, извини.

– Так вот, почему Мари-Амбр, твоя мама, в этом участвует, понять легко: профессии у нее нет, дочь вырастет, ей скучно, она мечтает найти свой путь, быть кем-то еще, кроме как женой богатого торговца черным жемчугом. Вот только...

– Только – что?

– Ты обещала больше не перебивать.

– Ты сам виноват, нарочно тянешь, чтобы я не выдержала. Говори уже.

– Вот только твоя мама не случайно оказалась здесь, на Хива-Оа. Ее муж родом с Маркизских островов. Ее приемная дочь – островитянка. Ты не находишь это странным? Здесь точно есть связь.

Я несколько секунд помолчала, прежде чем ответить.

– Неплохо. Ты тоже не без способностей. Тебе бы в полиции работать! Теперь моя очередь? Тогда поговорим про Титину. Про нее-то мы знаем, чего ради она сюда прилетела. Ради Брея. И еще она здесь оказалась благодаря своей влиятельности. Она ведет литературный блог, который читают больше сорока тысяч человек, и две трети из них – в Бельгии, где книги Пьер-Ива Франсуа продаются тоннами. Сладенький блог, где она помещает только милые и забавные отзывы. Впрочем, Мартина всю свою жизнь показывает в сети в розовом свете: детишки, которых она возит к самому унылому морю на свете, ее квартира, ее библиотека, ее десять кошек, в ее аккаунте в инстаграме больше роликов с ними, чем серий в «Жизнь прекрасна»^[12]. Титина видна насквозь и невинна.

– Слишком! – усмехнулся Янн. – В романах преступницей всегда оказывается та, у кого нет никаких явных мотивов.

– Угу. В романах для начинающих. Теперь ты.

От капитана осталось лишь темное пятно, перекрывшее светлую полосу прибрежных волн.

– Следующая подозреваемая – Клеманс, – объявил Янн. – Про нее нам тоже известно, зачем она сюда явилась. Чтобы стать новой Агатой Кристи. Она из тех, кто считает: если ты к сорока годам не издал роман, жизнь не удалась.

Я не могла смолчать.

– Ну и что? А твоя жена разве не хочет написать роман? Титина и Клем мне больше всех нравятся, Клем – такая книжная девочка, но в штанах, и...

– Ты, кажется, обещала, что дашь мне договорить? Вот именно что мне не очень нравится твоя отличница. Ты не обидишься, если я выскажусь откровенно? Думаю, с тобой она дружит главным образом потому, что с твоей мамой у нее холодная война.

Что за чушь!

– Это тебе интуиция сыщика подсказывает? Так вот, лично я терпеть не могу эту двоечницу. Загадочную Элоизу. Безутешную страдальницу, которую надо утешать. Сразу видно, что она здесь замаливает свои грехи. Вдали от всех, одна... Что за подлянку она сделала? Ты видел рисунки этой психопатки? Дети, всегда парами, без рук, без ног, без глаз. И потом, эта твоя королева каляк-маляк слишком уж хорошо разбирается в татуировках.

Капитан взвился так, будто краб в темноте цапнул его за ногу.

– Почему это она *моя* королева?

– Да потому что ты всерьез на нее запал... Это тоже сразу видно. Ее красивые продуманные позы, ее прекрасные затуманенные глаза. Грубая ловушка для хороших мальчиков. Ты – как раз из таких! – И я расхохоталась, а потом прибавила: – Да-да, знаю, ты женат на самой милой и сексапильной полицейской девчонке Франции. Может, перейдем к серьезным вещам? Делаем ставки?

Похоже, краб цапнул его за вторую ногу. Янн чуть ли не заорал:

– Какие еще ставки?

– Которая из них виновна?

Я в темноте нашарила пять камешков. Подсветила себе, воткнув мобильник в песок. Вытащила из кармана белый фломастер и написала на камешках первые буквы имен.

Ф

М-А М

К Э

Мой капитан с явным подозрением за мной наблюдал. Я прищурилась – *чего ему от меня надо?* – потом сообразила, почему он так на меня косился.

– А, тебя белый фломастер смущает? Я стащила его у мамы. Думаешь, это тот самый, которым рисовали татуировку на гальке? Знаешь, каждый второй турист на Маркизах покупает такой, чтобы написать на камне послание и оставить его у могилы Брея.

Я выложила пять камешков рядом в пятне света от моего фонарика.

– Ну давай, считаем до трех, и каждый выбирает камень. Тот, что указывает на сообщницу Пьер-Ива, лгунью и убийцу, на ту, которая всех нас изведет по одному. – Я снова засмеялась. – Думаешь, мы выберем один и тот же?

Янн вздохнул, но поиграть согласился.

Поехали

Раз

Два

Три

Мы одновременно схватились за два камешка из пяти.

Одновременно разжали руки.

В моей лежала галька с буквой Э.

Э – как Элоиза.

На его ладони – с буквой К.

К – как Клем.

И тут в темноте протрубила Танаэ, призывая на ужин.

Мы молча направились к пансиону, и я всю дорогу размышляла. Клем не могла быть сообщницей ПИФа. Я прекрасно видела, когда мы все стояли над одеждой ПИФа, а она прибежала от кладбища, вся запыхавшаяся, – прекрасно видела, что случившееся для нее на самом деле оказалось полной неожиданностью. Над нами раскинулся Млечный Путь, казалось, он совсем рядом. Он был похож на паутину, сотканную гигантским пауком, который затаился в черной дыре, дожидаясь, пока в ловушку угодит падающая звезда. Может, мы все здесь такие? Падающие звездочки, застрявшие в

паутине? Мне не терпелось увидеть за ужином Клем. Вдвоем нас будет не так легко поймать.

Моя бутылка в океане

Глава 6

Майма сидит напротив. Ее широкая улыбка меня успокаивает. Немного успокаивает. Теперь уже я, как и все остальные, начинаю волноваться.

Пьер-Ив Франсуа к ужину не вернулся.

Похоже, больше всех его отсутствием встревожена Танаэ. Разве мог он отказаться от жареной свинины с медом, которую они с Моаной и По приготовили на ужин? Нет, такое и представить невозможно! С ним, несомненно, случилось что-то страшное. Надо позвонить на Таити, твердит хозяйка пансиона, в полицию, надо настоять на своем, обычно их очень трудно сдвинуть с места...

Янн ее останавливает.

Зачем звонить жандармам, которым четыре часа лететь сюда от Папееэте, когда один уже на месте? Он сам.

Ситуация у Янна под контролем, рано еще волноваться. Он напоминает Танаэ, что сказал Пьер-Ив Франсуа в конце обеда – про исчезновение, стопку одежды и зашифрованное послание; что это наверняка всего лишь инсценировка с целью внести оживление в занятия. Но раз писателю захотелось поиграть, Янн обещает начать расследование.

– У меня уже есть помощница, – прибавляет он.

Майма, оторвавшись от тарелки с *кааку*^[13], смотрит гордо, будто курица, которая только что снесла золотое яичко, а Фарейн хмурится. Похоже, ей не слишком нравится, что муж вывел ее из игры. А по-моему, то, что жандарм в шортах объединился с моей маленькой островитянкой, скорее забавно. Я мысленно благодарю Янна за старания разрядить обстановку. Надо признаться, что хотя мы и не подаем виду, хотя убеждаем себя, что Пьер-Ив где-то здесь, подглядывает за нами, за тем, как мы реагируем, и ему не терпится

прочитать наши бредни, но время идет, и чем дальше, тем больше мы сомневаемся... А вдруг это не игра? Вдруг Пьер-Ив утонул? Вдруг его похитили? Убили?

Все, кроме Мари-Амбр, уже суетятся, убирают со стола. Она же смотрит, как гаснут последние отсветы над бухтой Предателей.

– Очень может быть, – заявляет Майма, сбрасывая в ведро объедки со своей тарелки, – что ваш писатель совсем рядом. Может, мы сегодня вечером не кабана ели, а жареного ПИФа!

По и Моана прыскают, Танаэ и Мари-Амбр испепеляют Майму взглядами, а она смотрит на меня, довольная своей шуткой и тем, что я ее слышала.

Мне решительно нравится эта девочка. Думаю, она отвечает мне взаимностью. И не только потому, что открыто конфликтует с матерью.

– Мама, – окликает она, – можно мне сегодня вечером немного побыть с Клем?

Я слушаю, как Мари-Амбр ей отказывает, используя всевозможные доводы: уже поздно, уже темно, если Майме хочется, чтобы день подольше не заканчивался, ей просто надо пораньше встать, в шесть, вместе с солнцем... Но я знаю, отчего она на самом деле так внезапно проявляет строгость.

Мари-Амбр хочет, чтобы вечером ей никто не мешал.

Эмбер хочет, чтобы ночь подольше не заканчивалась.

Как можно дольше.

И чтобы ее дочь не видела, как она напивается.

* * *

Да!

Я угадала!

Мари-Амбр оставила Майму в бунгало с планшетом и фильмами, а сама организовала ночной поход в деревню с запасом пива

«Хинано» и темного рома «Ноа-Ноа» в рюкзаке.

– У нас девичник, – уточнила она. – Поскольку ПИФ нас покинул.

Как бы там ни было, не думаю, чтобы Янн собирался идти с нами. Вот уж кто встает рано. Я видела его сегодня утром, часов в пять он прошел мимо моего бунгало. Ему тоже не спится, как и мне, с той разницей, что он явно находит в себе силы встать с постели, как только проснется.

Я сомневалась, идти ли с остальной четверкой на эту ночную прогулку, мне больше хотелось заняться своей океанской бутылкой, я попыталась отговориться тем, что побуду с Маймой, но Мари-Амбр не оставила мне выбора.

– Брось, подружка, пойдём с нами! Моя дочь обойдется без няньки!

Я сдалась. Надела джинсовую куртку и штаны с дырками на коленках и пошла с ними.

И вот мы уже сидим посреди деревни, на ступеньках у входа в Культурный центр Гогена. Тут до меня доходит, что мы впервые собрались всей пятеркой. Одни, без писателя, без ребенка, без мужа и без нашей хозяйки.

Здесь нет освещения, но предусмотрительная Мари-Амбр прихватила из пансиона три фонарика. В их лучах пляшет мошкара. А лиц в темноте не разглядеть.

Она позаботилась и о выпивке и теперь достает стаканчики, пивные банки и бутылки. И раздает по кругу.

Я довольствуюсь пивом.

Мари-Амбр тут же предлагает повторить. Направляет фонарь на главный фасад дома Гогена.

– За здоровье ПИФа! И за здоровье Поля!

Луч фонаря освещает невероятные барельефы, украшающие дом. Пять панно из секвойи с изображениями голых островитянок среди цветочных джунглей, населенных собаками и змеями.

– *Влюбляйтесь, и будете счастливы*, – декламирует Мари-Амбр, читая вырезанные на дереве слова. – *Будьте загадочными!* Поль все понимал, правда, милая моя?

Мари-Амбр поворачивает фонарь и направляет его на Элоизу, которая испуганно моргает, будто кролик, попавший в свет фар. Она робко согласилась пойти с нами в деревню, а потом выпить капельку рома, разбавленного полным стаканом сока «ананас-маракуйя».

– Поль – он ведь твой любимчик, да? – не унимается Амбр. – Ну и тип! Ты так не считаешь? *Будьте счастливы и влюбитесь...* Надо же было назвать свой дом «Домом наслаждений»! И разгуливать по деревне с тростью в виде пениса.

– Мне нравится... мне больше нравится его живопись, – лепечет Элоиза, а мне становится неловко.

Мари-Амбр пьет темный ром из горла и говорит слишком громко.

– Зеленые лошади, красные собаки... Он-то уж точно не сок маракуйи пил, твой художник. И был помешан на полуголых девчонках. Он ради этого здесь и поселился. Чтобы красоток писать, и не только писать. Девчонки, ровесницы Маймы!

Я прихлопываю у себя на руке особенно наглого москита. Глаза у Элоизы полны слез. Мне показалось, что она сейчас ответит на провокацию, но она молчит.

Я чувствую раздражение и жалость, думаю, не вмешаться ли. Мои пальцы нервно теребят красные зерна ожерелья. Я читала про Гогена. Он поселился на острове в 1900 году, в те времена, когда духовенство и Республика объединились ради того, чтобы уничтожить культурное наследие Маркизских островов и обратить в рабство их население. Теперь это все известно. Гогена выставляли пьяницей и извращенцем, потому что он в одиночку восстал против государства и церкви, защищая островитян и то, что оставалось от их культуры.

Мари-Амбр, шатаясь, отходит на несколько метров. В конце концов она свалится в колодец Гогена, он где-то здесь, в саду.

Фарейн забеспокоилась. Она тоже выпила всего лишь банку пива и теперь снова чувствует себя командиршей.

– По-моему, нам пора идти спать.

Поглядев на меня, на двух других, тоном генеральши, назначающей в наряд, распоряжается:

– Клем, Титина, поможете Мари-Амбр добраться до дома?

* * *

Почти полночь.

Я как попало кидаю на стул одежду, но москитную сетку вокруг кровати расправляю с маниакальной тщательностью.

Ненавижу спать одетой и ненавижу этих тварей, зато они меня обожают. Я оставляю в бунгало только маленький ночничок – на случай, если где-то затаилась и весь день прождала меня парочка насекомых.

Теплый свет абажура из рафии наполняет комнату тенями цвета сепии, мое тело, когда я прохожу перед зеркалом, будто облили медом.

Но этого недостаточно, чтобы сделать его красивым.

Я его не люблю, я его разлюбила.

Знаю, что это глупо, знаю, что всегда найдутся мужчины, готовые мне возразить, сказать, что Мари-Амбр или Элоиза не лучше меня, что я не менее привлекательна, знаю, что всегда найдутся мужчины, способные с нежностью избавить от комплексов любую женщину, если она встанет перед ними голышом.

А еще я знаю, что когда любишь по-настоящему, то никогда не считаешь себя достаточно красивой для того, кого любишь.

Простите меня за то, что сегодня вечером моему роману слегка недостает саспенса. Пиво тому виной? Или страх? Не знаю, оставить ли эти последние несколько строк в бутылке, которую я брошу в

океан? Осмелюсь ли я прочесть их Пьер-Иву? Что об этом подум...

Кто-то стучит в дверь.

Я слышу шепот:

– Это я, Эмбер! Открой!

Мари-Амбр, вот зараза!

Надеваю рубашку и открываю дверь.

Вваливается Мари-Амбр, а вместе с ней, наверное, десяток этих мерзких тварей.

Она прижимает к груди четыре бутылки пива.

– Остальные уже легли спать, – сообщает миллионерша. – Слишком утомились! Только мы с тобой и держимся, подружка.

Я притворно зеваю, Мари-Амбр не обращает на это ни малейшего внимания.

– Мне надо кое-что тебе сказать, – продолжает она, открыв две бутылки и устроившись на моей кровати.

Я лениво отхлебываю из горлышка.

– Как по-твоему, – внезапно спрашивает Мари-Амбр, – кто с кем спит?

– Что?

– Я хочу сказать – кто спит с ПИФом? Вот это и есть ключ к тайне! Одна из нас точно с ним спит... По крайней мере одна.

Она подмигивает. Похоже, слегка протрезвела с тех пор, как вернулась в пансион, во все горло распевая брелевских «Буржуа». Стучает своей бутылкой о мою.

– Я думаю, это не ты. – Мари-Амбр снова мне подмигивает.

И тут до меня доходит.

Она и спит с ПИФом. Это очевидно! А поскольку Маймина мама ревнива и не знает, где прячется ее любовник, она старается у меня что-нибудь выпытать.

Ну пусть попробует... Я ничего не знаю. И молчу.

Мари-Амбр начинает монолог, она перебирает участниц мастерской, вспоминает даже Танаэ и обеих ее дочерей, ее речь

становится все более бессвязной, в конце концов она добирается до Элоизы.

– Это так только, предположение. Мне кажется, милашка Элоиза очень скрытная. Это вполне может быть она... Все за ней бегает.

– Так уж и все?

– Ты что, не видела, как легавый на нее смотрит?

– Легавый?

Не спорю, после полуночи я довольно вяло подаю реплики.

– Янн! Жандарм! Уж конечно, ему не слишком весело живется с его датским цербером. И потом, самые красивые девушки – это цветочки, которые почти всегда заняты, они доступны случайным мотылькам лишь между двумя романами, некоторые мужчины способны улавливать этот аромат. Думаю, если бы капитан спал с Элоизой, его майорша этого даже не заметила бы.

– Даже не заметила бы?

Глотаю пиво, как волшебный эликсир. Обещаю, ради следующей реплики я сделаю усилие.

– Фарейн Мёрсен до лампочки эта литературная мастерская!

Мари-Амбр наклоняется ко мне. Ее рот шевелится меньше чем в тридцати сантиметрах от моих ноздрей. Литр рома и три бутылки пива. Если в бунгало остались комары, она убьет своим дыханием всех до одного.

– Она приехала не для того, чтобы писать, она приехала расследовать!

Я молчу, но мигом просыпаюсь.

– Две тыщи первый год. Дело убийцы из пятнадцатого округа. Тебе это о чем-то говорит?

Я мотаю головой. Ничего об этом не слышала.

– Я тебе расскажу в двух словах. В Сети все есть, можешь проверить. Тогда, с июня по сентябрь, в Париже нашли двух изнасилованных и убитых девушек. Восемнадцать и двадцать один год. Единственное, что между ними было общего, – обе они незадолго до того набили себе татуировки. Полицейские в конце

концов схватили татуировщика во время очередного нападения, им оказался некий Метани Куаки, родом с Маркизских островов, но им так и не удалось найти доказательств его причастности к тем двум убийствам. Куаки отбыл небольшой срок, потом бесследно пропал, и дело так и осталось нераскрытым.

У меня в голове теснятся вопросы, здесь есть чем пополнить мою бутылку для океана, придать запискам более явственный привкус детектива. Но протиснуться удастся лишь одному из них.

– Какое отношение это имеет к Фарейн?

Вопрос не самый сложный, и я уже догадываюсь, каким будет ответ. Мари-Амбр приканчивает пиво и подтверждает:

– Расследованием по делу татуировщика из пятнадцатого округа руководила Фарейн Мёрсен. Последние двадцать лет она отдала поискам доказательств вины Метани Куаки. И, насколько мне известно, так и не нашла их.

Янн

Янн внезапно проснулся и не понял отчего. Его не мучил никакой кошмар, у него ничего не болело; было совершенно тихо и темно – только лампочка под навесом слабо светила на их бунгало, «Нуку-Хива».

Он взглянул направо, на будильник у изголовья.

Час ночи.

Потом налево.

Фарейн лежала рядом, на спине, и широко открытыми глазами следила за плясавшими на потолке тенями бугенвиллей. Может, это она его разбудила осторожным прикосновением или просто передачей мысли?

– Ты не спишь?

– Нет, не могу уснуть.

Рука Янна легла на живот Фарейн.

Она не отреагировала, увлеченно наблюдая за театром теней на экране потолка.

Янн проклял ночную сорочку, которую его жена носила даже в тропиках, повел рукой вниз, перебираясь через складки, остановился, дожидаясь в полутьме, не забьется ли чаще сердце Фарейн, не приподнимется ли грудь, не сомкнутся ли веки.

Ночью на Маркизских островах температура не опускается ниже плюс двадцати.

Но Фарейн была холодна как лед.

Наконец рука Янна добралась до края ткани, откуда поднимался склон слегка согнутых ног, повернула назад, задрала сорочку и поползла к паху.

Фарейн еще несколько секунд полежала неподвижно, потом приподнялась.

Занавес!

И вот она уже на ногах, подол опущен. А вот уже направилась к слабо светящемуся окну.

Янну хотелось бы что-то сделать, почувствовать себя униженным настолько, чтобы наконец взорваться, проорать Фарейн, что она шесть недель к нему не прикасалась, но почему-то виноватым чувствовал себя он.

В глубине души он знал, что если осмелился на это, если выдал свое желание, то вовсе не потому, что его возбуждала Фарейн. А потому что ночь была жаркая, потому что остров пробуждал чувственность, потому что читательницы ПИФа – все остальные читательницы – были красивы, потому что он немалую часть дня провел, глядя, как Элоиза покусывает свой карандаш, пристроив блокнот на голых ногах.

Фарейн слишком умна, чтобы этого не понять.

Она стояла перед маленьким письменным столом розового дерева, только туда и падал свет. Запускала, будто волчок, татуированную гальку, лежавшую рядом с одеждой Пьер-Ива, которую забрал Янн. Жандарм вспомнил, как перепугалась его жена, когда он показал нарисованный белым фломастером символ. И впервые решился задать ей вопрос.

– Фарейн, тебе был знаком этот маркизский символ, Эната? Ты знала, что он означает?

Она прихлопнула гальку пальцем, чтобы остановить нескончаемое кружение.

– Если бы ты хоть немного интересовался мной, моей работой, моими расследованиями, ты бы тоже это знал.

Янн снова заглушил в себе злость. Ему вспомнились все вечера, которые он провел, слушая рассказы о бесконечных рабочих днях своей жены, о крупных делах пятнадцатого округа, ограблениях роскошных ювелирных магазинов, миллионных растратах, предотвращенных захватах заложников, тайных преступлениях знаменитостей, о которых она ничего не могла сказать, даже имен

не называла... Когда он-то давно уже перестал упоминать о заурядных ограблениях ларьков, машинах, вскрытых на парковке супермаркета, о задержанных у кафе пьянчугах без прав, – скучная сага о бедных людях, которых даже не жалко.

Янн откинул простыню.

– Так что, эта татуировка, Эната, была у тех двух убитых девушек? – спросил он. – Это послание, которое оставил тебе Пьер-Ив?

Фарейн повернулась к нему. Свет с террасы сквозь занавески падал на ее горестное лицо, от глубоких теней оно казалось каким-то вытянутым.

– Не знаю, – тихо проговорила она. – Расследование ведешь ты, вместе с Маймой. Я вне игры... Разве не этого тебе хочется?

Янн приподнялся. Всю его злость смыло волной нежности. Он никогда не мог устоять перед Фарейн, как только она сбрасывала свои майорские доспехи и оставалась только несчастная, в крайнем случае – недовольная девочка. Девочка, которой сегодня днем запретили играть.

Янн встал.

Да, конечно же, Фарейн все еще его возбуждала. Дело не в том, что тропики распалили чувства, просто здесь ему труднее было воздерживаться.

От той, кого он любил.

Думал, что любит.

Хотел любить.

Янн, совершенно голый, проскользнул у Фарейн за спиной. И когда его член коснулся ее зада, она сделала шаг в сторону.

Она вообще заметила, что у него стоит?

– Ты не вне игры, – ответил жандарм спине майора. – Но тебе надо писать роман... Ты для этого приехала.

Спина никак не отреагировала. Руки Фарейн шарили по средней полке, где стоял ее чемодан. И наконец, издав вымученный смешок,

она заговорила, обращаясь скорее к стенному шкафу, чем к мужу.

– Не трудись, я все поняла. Ты прав, так, наверное, лучше. А я-то боялась, как бы ты не заскучал... Не беспокойся, я не стану вмешиваться в твое расследование, развлекайся сам. Но я дам тебе совет, всего один. Веди себя сдержанно. Никому не доверяй. Этой Мари-Амбр, которая слегка переигрывает в роли пьяной дуры, этой Элоизе с ее манерами безутешной вдовы, разбитной писательнице Клем и даже бельгийке, милой Мартине, бабульке, которая целыми днями рыщет везде в своих нелепых нарядах и собирает сплетни для социальных сетей. Бабуля Титина – это папарацци без фотоаппарата.

Фарейн закрыла чемодан.

В руках у нее была картонная папка с нарисованной на ней маркизской татуировкой.

Эната.

– Что же касается моего романа, милый... Он уже написан.

Янн заглянул ей через плечо.

Красная папка. Над рисунком – имя и название.

Пьер-Ив Франсуа

Земля мужчин, убийца женщин

Дело татуировщика из пятнадцатого округа

Рукопись. Судя по толщине папки, в ней страниц триста.

– Ты... – испугался Янн, – ты украла книгу ПИФа?

Фарейн положила папку на письменный стол и наконец-то одарила мужа долгим взглядом.

– Все считают тебя таким приятным человеком, милый. Немного неловким – именно это меня и очаровало. То, как ты все делаешь невпопад. Но на самом деле это всего-навсего нежелание постараться. Лень. Бестактность. «Ты у него украла». Вот что ты у меня спросил? И ты живешь со мной двадцать лет?

Фарейн села, передвинула папку к пятну слабого света, начала вытягивать из нее листок и остановилась.

– Мне надо поработать. Здесь плохо видно. Я выйду на террасу.

Она взяла со стола свой мобильник. На красном чехле большой белый крест – датский флаг. Янн все понял и решил вернуться в постель. Жена, уже держась за ручку двери, оглянулась.

– Один-единственный вопрос, милый, – слишком нежно произнесла Фарейн. – Если, конечно, я не нарушаю этим профессиональную тайну твоего драгоценного расследования. Когда ты нашел камешек на сложенных вещах Пьер-Ива, какой стороной он был повернут?

Янн не ответил.

Не потому что хотел оставить при себе тайну расследования. Просто потому, что не обратил внимания, потому, что не имел об этом ни малейшего представления.

И потому, что ему не давал покоя другой вопрос: как далеко могла зайти Фарейн ради того, чтобы заполучить эти триста страниц?

Моя бутылка в океане

Глава 7

Я внезапно просыпаюсь.

И мгновенно понимаю отчего. Чертов петух! Устроился прямо над моим окном.

Я открываю один глаз.

Первое, что я вижу, – следы пива, которым Мари-Амбр заляпала стол в моем бунгало, перед тем как уйти наконец к себе. Второе – разбросанные на тумбочке листки из моей океанской бутылки. Третье – будильник. Четыре часа утра! И последнее – силуэт за оконной занавеской.

Силуэт медленно, стараясь не шуметь, пробирался вдоль террасы. Но Гастона он все равно разбудил... и меня заодно.

Четыре часа.

Что за лунатик там бродит в это время?

Гастон затих, а я знаю, что заснуть не смогу. Не раздумывая, влезая в штаны, натягиваю пропитанную репеллентом майку – ни трусов, ни лифчика, – хватаю мобильник и как можно тише приоткрываю дверь бунгало.

Кто может разгуливать по дорожкам «Опасного солнца» среди ночи?

Янн? Янн очень рано встает.

Смотрю на террасу, освещенную лампочкой под навесом. Бунгало Фарейн и Янна ближе всего к этой лампочке, которая горит всю ночь. Подстерегаю хоть какое-то движение, хоть какой-нибудь звук, но ничего не различаю. Похоже, в бунгало «Нуку-Хива» все спят, как, впрочем, и во всех остальных.

Вот только мне это не приснилось, и не призрак разбудил Гастона. Я всматриваюсь в сад, иду по аллее мимо фаре Танаэ. И там тоже

все спят. В ночи светят лишь мириады звезд, четвертушка луны и очень редкие фонари вдоль дороги, огибающей пансион. Этого достаточно, чтобы увидеть, как тень выскользывает за ворота. Но я ничего не успеваю разглядеть, кроме черного спешащего силуэта. Вместо того чтобы спуститься к деревне, тень сворачивает в противоположную сторону, к порту Тахауку.

Решено – следую за ней.

Потому что я, в конце концов, пишу детективный роман, и мне необходимы подробности, чтобы заполнить мою бутылку для океана, даже если ПИФ заманивает нас в ловушку.

Тень время от времени исчезает то за поворотом, то за деревьями, и каждый раз я не сомневаюсь, что она пропала окончательно, что ее поглотил лес или неосвещенный проход. Но тень неизменно появляется снова – скользит по асфальту.

Куда дальше? Я перебираю в голове возможные направления.

Порт Тахауку? Там никто не ночует, в марине ни одной яхты на якоре, а в пирогах нет коек. Атуона – не Бора-Бора...

Дискоотека? Просторное бетонное сооружение, где раз в месяц устраивают деревенские праздники. Тоже нет. Тень скользит мимо сарая, не останавливаясь. И не торопясь.

Я тоже стараюсь идти медленно, чтобы себя не выдать, а главное – потому что понятия не имею, куда ставлю ноги. И речи не может быть о том, чтобы включить фонарик в мобильнике и посветить себе. С таким же успехом можно крикнуть: «Эй, вы кто?» Больше ни одного фонаря при дороге нет, но невероятные звезды позволяют видеть. Я, словно заблудившийся моряк, смотрю на Южный Крест над головой.

Тень снова исчезает за поворотом. Я смутно припоминаю, что здесь, в стороне от последнего поворота на дороге к порту, стоит хижина, построенная из всякого хлама. Танаэ рассказала мне, что на острове это считается загородным домом, четыре саманные стенки и лист железа вместо крыши – жителям долин больше ничего и не

надо, чтобы провести выходные у океана. Новые постройки теоретически запрещены, но хижины разборные, а главное – ими делятся. Мэр дает разрешение на строительство только в том случае, если хозяин обязуется оставлять ключи любому, кто об этом попросит, на те дни, когда лачуга свободна.

Чем дальше я об этом думаю, тем больше убеждаю себя, что там назначено ночное свидание.

Я угадала, куда направляется тень? Воодушевившись, прибавляю шаг...

Ой, простите!

Я только что столкнулась с кем-то в темноте!

Потирая колени, обзываю себя ненормальной.

Тот, кого я чуть не сбила с ног, извиняться и не думает.

Шарю перед собой руками.

Лицо, пара больших глаз, тонкий нос, шеи нет, толстенькое тело, огромные груди.

Тики!

Мне тут же вспоминается то, о чем говорили Майма и Танаэ. Несколько месяцев назад кто-то сделал пять тики и расставил их вокруг «Опасного солнца». Так, значит, это последний из них, тот, у которого мана чувствительности и доброжелательности. Я несколько раз проезжала мимо него в машине Танаэ, не различая ничего, кроме серой тумбы под откосом.

Я нащупываю каменные цветы в каменных волосах у тики и в его руках с двадцатью пальцами.

Прошло уже несколько минут с тех пор, как исчезла тень. Фонарь освещает ленту дороги за поворотом, по ней никто не проходил. Или тень затерялась в лесу, что представляется мне маловероятным без всякого освещения, или она зашла в единственно возможное жилище – в лачугу над портом.

Как бы там ни было, она меня не заметит.

И я, поддавшись любопытству, включаю фонарик в мобильнике.

Направляю свет прямо в лицо серой статуе. Как будто застучала ее на месте преступления.

Вот только врасплох захватили меня. Я не просто удивлена, я едва не бросаюсь бежать – бежать или ущипнуть себя, лишь бы убедиться, что я не сплю.

Этот тики напротив, тики чувствительности... я узнаю его!

И знаю, что это невозможно, как такое лицо может вынырнуть из прошлого?

Я недоверчиво, как будто у меня под руками оживает призрак, прикасаюсь к холодному камню, трогаю нос, глазные впадины, тяжелую грудь.

Кто-то хочет свести меня с ума! Мне расставляют ловушку!

И они своего добьются, если я и дальше буду смотреть на эту статую, как на зеркало, которое меня завораживает. Ее мана меня парализует.

Я выключаю фонарик.

Призрак превращается в серую тумбу. Я перевожу дыхание.

Может, я увлеклась? У меня разыгралось воображение? Как можно изваять лицо по образу модели, которой давным-давно не существует? Мои пальцы, будто боясь окаменеть в свой черед, отрываются от холодного камня и шарят по груди, кожа почти раскаленная. Большой и указательный находят наконец одно из красных зерен ожерелья на шее. Его магия мгновенно меня успокаивает.

Мне надо собраться с мыслями. Вспомнить, зачем я вышла из дома среди ночи. Следовать за тенью.

Я ускоряю шаг, спешу отойти подальше от тики, потом, у поворота, снова замедляю. Хижина опасно пристроилась на скале над портом, среди карибских сосен. Даже не видя еще, горит ли в ней свет, я догадываюсь, что тень внутри.

Второй раз меньше чем за минуту у меня едва не останавливается сердце.

На этот раз я узнаю не лицо, а голос.

Голос Пьер-Ива Франсуа.

Я одновременно смеюсь и ругаюсь. Значит, это и в самом деле игра! Писатель все подстроил, он не утонул, его не похитили и не убили. Он спрятался. Меньше чем в километре от пансиона. Для того чтобы подстегнуть наше воображение.

За слабо светящимся окном лачуги я различаю тени Пьер-Ива, который расхаживает туда-сюда, и неизвестной из «Опасного солнца», явившейся к нему с ночным визитом.

Только два силуэта, лиц не видно.

Театр теней за белым экраном, спектакль, который они играют для меня.

Я проклинаю Пьер-Ива с его вывертами и проклинаю тики, из-за которого опоздала и упустила начало разговора. Не понимаю, о чем говорит Пьер-Ив, до меня долетают только обрывки фраз, когда он чуть ли не орет.

Улавливаю, что Пьер-Ив извиняется перед той, что пришла к нему (это, без сомнения, женщина, в «Опасном солнце», кроме Янна, нет ни одного мужчины), ему очень жаль, но он обязан сказать правду, всю правду, он не виноват, он вообще ни при чем.

Мне бы хотелось, чтобы тень ответила, я уверена, что узнала бы голос, но нет, она молчит или говорит слишком тихо, пришибленная словами ПИФа. Мне кажется, я слышу плач, и только.

Пьер-Ив все твердит, что лучше знать правду, даже если она ужасна и жестока, что «если тебе не хотелось знать, не надо было спрашивать», и без остановки мечется по хижине, то и дело мелькая перед окном, а тень не шевелится, замерла, будто тики.

Голос Пьер-Ива звучит тише, шаги замедляются. Мне все труднее что-нибудь расслышать, я подбираюсь ближе, оскальзываясь на сосновых корнях, и понимаю, что он пытается привести в чувство тень, оглушенную его откровениями. «Ты же знаешь, я могу тебе помочь».

Смотрю, как грузная фигура останавливается перед хрупким призраком. Вижу, как ПИФ касается рукой его лица, – наверное, хочет стереть слезу. Вижу, как он разводит в стороны руки, будто разрывает цепь, и снова смыкает. «Я к тебе так привязан». Вижу, как его голова наклоняется, сливается в единое целое с головой неподвижного призрака, вижу, как выпячивается толстое пузо, и на мгновение игра теней создает иллюзию, будто в комнате только один человек, будто Пьер-Ив проглотил гостью, что неосторожно пришла на свидание с ним...

И тут он ее выплевывает!

Она и не думала скармливать себя людоеду.

Плюет ему в лицо.

А потом все происходит очень быстро.

Я только и вижу какую-то дерганую пляску, урывками, когда они оказываются перед окном, и пытаюсь восстановить пропущенное.

Пьер-Ив не намерен упускать свою добычу, но добыча проворнее, она отбивается, что-то падает, мебель трясется, «успокойся, успокойся» – это снова голос Пьер-Ива, звон разбитого стекла, град ударов.

Я подхожу еще ближе, не могу просто стоять и смотреть. Когда до хижины остается меньше двух метров, вижу, как две руки поднимаются, сжимая что-то узкое и длинное, – маркизская дубинка? весло от пироги? просто метла? Я не успеваю разглядеть, что именно, а оно, просвистев в воздухе, уже бьет по лицу Пьер-Ива.

Тишину ночи разрывает его крик.

А следом – мой.

Я не могу удержаться.

Представление обрывается. Как фильм, когда бобина соскочит. И больше ни звука, кроме двух воплей, Пьер-Ива и моего собственного, они продолжают эхом отзываться в моем воображении.

Тень приближается к окну. Эта штука все еще торчит справа от ее головы, будто ружье за плечом, вот сейчас вскинет, выстрелит, убьет.

Я больше не раздумываю. Надо бежать! И я бегу. Споткнувшись о сосновый корень, упираюсь руками в землю, в колкие иглы. Я уверена, что дубинка вот-вот обрушится мне на голову. Кругом тихо. Вскакиваю, мчусь дальше в темноте. Я и не думала, что мои ноги могут так быстро меня нести. Что мое сердце может так сильно биться.

Выбегаю на дорогу.

Кажется, вдали, над хижинкой, что-то светится, для автомобильных фар слишком слабо, для фонаря слишком высоко.

За мной гонятся?

Меня узнали?

Пьер-Ив убит?

Я – свидетель, которого надо убрать?

Не могу больше бежать, склон слишком крутой, просто иду как можно быстрее.

Повернуть обратно? Позвать кого-нибудь на помощь?

Снова на пути проклятый тики. Всего лишь серое пятно, я и не думаю его освещать.

Стараюсь убедить себя, что все это только кошмар, что завтра все будут на месте.

Добираюсь до «Опасного солнца». Все спят, даже Гастон.

Я знаю, что надо бы всех перебудить, вытащить на террасу, увидеть, кого недостает. Или хотя бы Янна разбудить. Янна и его жену, они оба полицейские, они знают, что делать. Или Майму, я ей одной могу доверять, но нет, это невозможно, ее мать спит в том же бунгало.

Я знаю, что надо делать, но вместо этого бегу в свое бунгало и запираюсь.

У меня в ушах звучат слова Пьер-Ива, сказанные им вчера за обедом, мне кажется, с тех пор прошла целая вечность.

Что бы ни случилось в ближайшие дни и часы, что бы ни произошло до той минуты, как вы, через пять дней, снова сядете в самолет, продолжайте писать. Отмечайте все! Записывайте все! Ваши впечатления, ваши эмоции, по горячим следам.

А если я снова видела представление? Если все это – часть заранее написанного сценария? Если Пьер-Ив снова, как в своих книгах, все подстроил?

Я слишком сильно сомневаюсь, для того чтобы всех разбудить, и слишком сильно боюсь, для того чтобы выйти одной.

И продолжаю сидеть на кровати.

Я знаю, что мне больше не уснуть.

Пьер-Ив, я сделаю, как ты велел.

Я напишу свой роман.

БРОШУ В ОКЕАН СВОЮ БУТЫЛКУ.

Серван Астин

– Алло, алло! Есть там кто-нибудь? Вы меня видите? Вы утонули? Вас всех смыло цунами? – Серван Астин поворачивается спиной к камере и обращается к кому-то за кадром:

– Ты уверен, что он работает, этот твой дебильный скайп? Там одни куры!

Ей отвечает мужской голос.

– Там сейчас шесть утра, – говорит невидимый технарь. – Может, только куры пока и проснулись?

– Ага, посмейся мне тут еще!

Серван Астин снова поворачивается к экрану:

– Эй, под бананами, алло, вы меня слышите? Давайте-ка шевелите своими красивыми загорелыми попами, вы там как-никак за мой счет загораете! У нас тут, в Париже, шесть вечера, через час у меня коктейль, так что чешитесь, ловите блох или кто там вас кусает в ваших пампасах. Ага...

Перед издательницей появляются три лица. Элоиза с распухшими глазами, растрепанная Фарейн и чересчур накрашенная Мари-Амбр.

– Ага... – повторяет Серван. – Вы прямиком из бара или что? Где остальные?

Мари-Амбр выглядит самой бодрой из троих.

– Клеманс Новель и Мартина Ван Галь еще спят, – говорит она.

– Они что, издеваются?

Телефон, который их снимает, стоит на столе, на террасе у Танаэ, кое-как пристроенный к банке грейпфрутового джема, Фарейн пытается его поправить, в кадре мелькают горы, небо, океан, потом картинка наконец замирает.

– Вы хотите, чтобы меня укачало или что? – взрывается издательница. – Может, мне тоже изобразить дрон и показать вам небо Парижа? Мерзкие серые тучи, машины и людей, которые суется, будто муравьишки? Хочу вам напомнить, что вы там, у

голубой лагуны, оказались благодаря моей банковской карточке того же цвета... и что я жду от вас бестселлер!

На Мари-Амбр столбняк напал, она не в силах ответить, Элоиза поворачивается то одним профилем, то другим, то цветком тиаре, то гибискусом, она похожа на школьницу, которая слушает выговор, глаз поднять не смея, Фарейн вздыхает, ее рука пропадает с экрана и волшебным образом появляется снова с чашкой кофе.

Серван Астин вскакивает, долю секунды камера показывает только декольте ее вечернего платья крупным планом, раскачивается кулон, золотое перо, и снова появляется ее лицо, огромное, во весь экран.

– Эй, вы все там с бодуна, что ли? ПИФ заверил меня, что в Атуоне нет ни одного бара. Лететь пятнадцать тысяч километров, зато на месте полное уединение! Монашеский остров! Лучше, чем Афон или Метеоры. Ни капли алкоголя. Только пот и чернила... Кстати, сам-то он где, ПИФ?

– ...

Серван Астин придвигается еще ближе, утыкается носом в экран, будто обнюхивает их.

– Вам пассаты уши песком засыпали? Повторяю, где ПИФ?

Фарейн, поставив чашку, усталым голосом отвечает:

– Мы не знаем. Он исчез. Мы думаем, что это входит в программу занятий мастерской... Что это такая игра.

Издательница отваливается от экрана, падает на стул как подкошенная.

– Игра? Вы знаете, сколько стоит ваша прогулка под кокосами? Во что мне это все обошлось – самолет, пансион Татайе? Так что давайте, девочки, заставьте мечтать несчастных читательниц, оставшихся в метрополии, тридцать две тысячи неудачниц, которых не выбрали, и десятки тысяч других, сидящих в инстаграме. Я жду селфи ПИФа, хочу видеть, как он, голый по пояс, в поте лица трудится над рукописью, а ты, Элоиза, девочка моя, нацепи на свое прекрасное лицо сладкую улыбку и пришли мне несколько своих фото в бикини. Надо и читающих папиков тоже прибрать к рукам.

Шевелитесь, сестры Бронте, шлите фото, видео, танец птицы, хаку^[14] свиньи, мне без разницы, лишь бы читательницы, которые остались здесь, обзавидовались... Так что будите-ка Клементину... и бельгийку тоже! Где она, эта королева социальных сетей? Она обещала мне засыпать своими постами франкофонов от Сен-Пьера и Микелона до Кергелена... и со вчера – ни одного!

– Она спит.

– Так чего вы ждете, идите будите ее!

Дневник Маймы Тишина

Я все слышала.

Серван Астин отключилась, ее ждало такси. Она перезвонит завтра с утра пораньше, то есть когда здесь будет уже ночь, и лучше бы Пьер-Иву Франсуа на этот раз ответить на звонок.

Крутая тетка эта издательница. Пока вся троица растерянно переглядывалась, я сорвалась с места и, переполошив кур, помчалась будить Клем и Титину.

Танаэ выбрала подходящий диск Брежнев, чтобы расшевелить мою засоню-подружку и обленившуюся бельгийку. «*Au suivant*, – командовал великий Жак, – следующий!» – и хозяйка сновала под его пение между террасой и кухней. Ванильное печенье, банановые оладьи, кокосовый хлеб, чай, кофе.

Дочери ей не помогали, По и Моана, как всегда по утрам, спустились на поле к трем лошадкам, Мири, Фетиа и Авае Нуи^[15]. Все три, насколько позволила веревка на шее, приблизились к террасе, чтобы выпрашивать остатки завтрака. Я бы предпочла в следующем перевоплощении оказаться петухом или кошкой, чем такой вот лошадкой! Только представьте себе... Век назад их завезли на остров, чтобы они здесь скакали на воле, а не кружили, будто волчок, у колышка!

Я бежала между хижинами. Навстречу шел Янн, с мокрых волос вода текла на майку девятого номера «Шпор»^[16], в руке он держал кумкват, который мимоходом сорвал под навесом. Явно только что вышел из душа в бунгало «Нуку-Хива», и туда устремилась Фарейн.

Я одарила красавчика-капитана мимолетной улыбкой.

Придется ему этим удовольствоваться, потому что остальные, похоже, равнодушны к чарам жандарма. Элоиза созерцала свое отражение в черном кофе, мама с ужасом разглядывала себя в

одном из двух зеркал, висящих над бежевыми диванами в зале, мурлыча:

Когда их красота просыпается поздно,
они пускают в ход всю свою науку,
чтобы обманывать всех вокруг.

С каких это пор мама стала петь песенки Брежнев? Я постучала в двери Клеманс, потом Мартины.

– Клем, подъем!

– Титина, подъем!

Снова влетела в зал, чуть не сбив с ног маму, не сбавляя скорости, сменила курс и цапнула со стола четвертушку папайи.

– Странно... Клем-то, конечно, всю ночь работала. Но Титина обычно ложится рано... и всегда встает первая.

Янн уже сидел рядом с Элоизой за накрытым к завтраку столом. Красавица, обменявшись с ним вежливой полуулыбкой, убрала за ухо прядь волос, достала телефон и попробовала подключиться. Жандарм потянулся к термосу с кофе, стараясь ее не задеть, и тут она повернулась к нему:

– Мартина не пожелала спокойной ночи своим кошкам.

Мой капитан от неожиданности забыл про кофе. Мне стало интересно, я подошла ближе.

– Если ты у Мартины в друзьях... это я инстаграм имею в виду, – пояснила Элоиза, – можно наблюдать за ее жизнью в прямом эфире. Каждое утро, с тех пор как прилетела на Хива-Оа, Титина желает спокойной ночи своим десяти кошкам. Ее брюссельская соседка снимает их, когда заходит покормить, а Титина пишет им что-нибудь ласковое. А сегодня утром ни слова! Ни слова с тех пор, как вчера вечером она им сообщила, что сейчас почистит зубы и ляжет спать.

– Сейчас еще нет семи утра, – успокоил себя Янн, наконец-то наполнив чашку.

Но я не дала ему времени пригубить кофе.

– Что-то не так! Идем скорее!

Не прошло и трех секунд, а мы уже стояли у двери бунгало «Уа-Поу».

– Мартина! Мартина!

Она не отозвалась.

– Мартина! – еще громче позвал Янн.

Тишина.

Я догадывалась, о чем подумал Янн. У него появилось нехорошее предчувствие. Наверное, ему часто случалось вот так стоять, примчавшись на машине с мигалкой, перед закрытой дверью и надирать глотку, потому что соседи слышали крики или выстрелы или, наоборот, который день из-за двери ни звука. И каждый раз он, наверное, боялся того, что увидит там. И ему, и его людям, наверное, часто приходилось вышибать дверь.

Мой капитан взялся за дверную ручку, и она повернулась.

Уже легче, хотя бы имущество пансиона портить не пришлось.

Янн вошел. Я осталась позади, у входа, и попыталась, стоя между Элоизой и Танаэ, заглянуть в комнату. Был бы он не такой здоровенный, мой капитан... Я смотрела ему в спину и вдруг увидела, как он пошатнулся.

Я заорала, и, как ни странно, первое слово, которое у меня вырвалось, было не «мама».

– КЛЕМ!

Мартина лежала на кровати.

Мертвая. Холодная. Задушенная.

– Танаэ, уведи Майму, – тут же велел Янн.

Я упиралась, но Танаэ не оставила мне выбора, потащила в зал к По и Моане.

Все мое тело сопротивлялось, начиная с ног, которые отказывались идти. Но у них тоже не было выбора.

Янн

С шеи Мартины на белую простыню сбегали красные бусины – кровавое ожерелье, выглядело все так, словно ее задушили тонким красным шнурком.

Янн подошел ближе. У него за спиной Элоиза укрылась в объятиях успевшей вернуться Танаэ.

Мартину не задушили, ее закололи! Многократно закололи. Раз десять ткнули; орудие убийства, стальное жало, осталось торчать в последней ранке, на уровне сонной артерии.

Голос Танаэ у него за спиной дрожал.

– Это... Это игла дермографа. Инструмента татуировщика.

Янну хотелось опереться на изголовье кровати, рухнуть на стул, взять стакан и побрызгать себе водой в лицо, он с трудом удерживался.

В ушах у него звучал голос Фарейн. *Не смей ничего трогать!*

– Ничего не трогайте! – нетвердым голосом распорядился он. – Только ни к чему не притрагивайтесь. Элоиза, твоим телефоном можно фотографировать?

Элоиза протянула ему свой мобильник, и Янн принялся снимать место преступления с разных точек.

– Ничего не трогайте, – бормотал он, хотя Танаэ и Элоиза и так стояли не шелохнувшись.

То, что Янн увидел в бунгало «Уа-Поу», испугало его даже больше, чем игла, воткнутая в шею бельгийской старушки.

Судя по тому, что кровь свернулась, Мартина умерла несколько часов назад. Но ведь ночью не было никаких криков, иначе все проснулись бы. И в комнате никаких следов борьбы. Лицо у старушки безмятежное, будто она не мучилась, и, каким бы невероятным это ни казалось, будто она не сопротивлялась, спокойно позволила втыкать ей в сонную артерию смертоносную иглу.

На столике розового дерева стояли два стакана.

Выходит, Мартина знала того, кто на нее напал. Ее не убили во сне, ее не застал врасплох грабитель, она сама впустила убийцу, предложила ему выпить, поговорила с ним, а потом он ее заколол.

Янн подозревал, что Танаэ с Элоизой пришли к тем же выводам.

Почему?

Кто?

Кого Мартина могла знать на Маркизских островах, кроме постояльцев «Опасного солнца»?

Никого! Никого, кроме Танаэ и ее девочек, его самого, Маймы и остальных четырех сочинительниц.

Ответ напрашивался сам собой, и этой уверенности нечего было противопоставить. Преступница, несомненно, одна из них!

Янн с усилием отвел взгляд от иглы татуировщика, воткнутой в горло Мартины, которая сейчас выглядела очень старой.

Первым делом надо бы закрыть ей глаза, потом что-нибудь набросить на окровавленную шею, шарф, да что угодно, лишь бы не видеть алую нить, что свешивалась с горла на постель. Взгляд жандарма привлекла одна деталь. В складках простыни рядом с белой рукой Мартины виднелся серый шнурок.

Янн наклонился.

– Надо вызвать полицию, – прошептала Танаэ у него за спиной. – Им с Папэте добираться около четырех часов. Надо позвонить прямо сейчас.

– Я позвоню, – пообещал Янн, на мгновение обернувшись к женщинам.

Элоиза, уткнувшись носом в бумажный платок, вытирала слезы собственными длинными волосами. Янн взял у нее чистый платок, склонился над кроватью. Приподнял простыню. Увидел подвеску, которую носила Мартина, – черная жемчужина, совершенно круглая, на серебряной цепочке.

Янну вспомнилась картинка – эта цепочка с жемчужиной, нарисованная над завещанием Мартины.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Проститься с каждой из моих десяти кошек.

Еще раз увидеть, один-единственный раз, единственного человека, которого я любила за всю свою жизнь.

Горло наполнила едкая желчь. Он уже знал, какой вопрос задаст себе каждый. Кому могла помешать эта милейшая бельгийская бабулька, любившая кошек, книги и свою равнинную страну?

Что она увидела? Что она сделала?

А эта игла татуировщика?

– Там... там еще что-то есть, – робко произнесла Элоиза, показывая на другой край простыни.

Янн вздрогнул.

Теперь и он заметил уголок листка, торчавший из-под ткани. При помощи платка жандарм приподнял простыню.

Сердце у него колотилось.

Галька.

Поверх листка – такая же черная галька с тем же рисунком. Эната. Перевернутый – на этот раз он знал точно.

Янн осторожно приподнял камешек. Он сразу узнал почерк.

Он не смог удержаться и не схватить листок.

Не смог удержаться и не прочесть, хотя и догадывался, что Танаэ и Элоиза заглядывают ему через плечо.

Потому что это написала его жена.

Моя бутылка в океане

Часть III

Рассказ Фарейн Мёрсен

До того, как умру, мне хотелось бы...

Снова увидеть северное сияние. Кажется, один раз я его видела, мне тогда было три года, мама мне часто об этом рассказывала.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Перейти из пятнадцатого в семнадцатый, подняться на самый верх Бастиона.

Стать первой ищейкой Франции, начальницей, руководительницей регионального подразделения судебной полиции^[17], командовать сотнями мужчин, спасать жизни, предотвращать преступления, ловить негодяев, заниматься этим многие годы, потом перемотать все обратно.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Никогда не работать в полиции.

Родить ребенка.

Много детей.

Проводить время с мужем.

Смеяться, писать, путешествовать, любить.

Прожить еще одну жизнь, на самом деле вот чего мне хотелось бы.

Потому что в этой я никогда не откажусь от того, чтобы расследовать, ловить убийц, не давать им убивать.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Не оставить после себя ни одного нераскрытого дела.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Чтобы Летиция и Одри были отомщены.

Моя бутылка в океане

Глава 8

– КЛЕМ!

Я слышу крик, стоя под душем.

Кричат от ужаса в бунгало «Уа-Поу», в бунгало Мартины. Только кричит не Мартина, это голос Маймы. Почему? Почему такой долгий, отчаянный стон?

Я выключаю воду и вылезаю из душевой, не вытираясь, оставляя на бамбуковом полу влажные следы.

Ничего общего с веселыми криками, с какими Майма несколько минут назад барабанила в двери.

– Подъем, Клем! Подъем, Титина!

Хватит, Майма, мысленно одергиваю я, успокойся, я уже встала, и у меня болит голова.

Я не выпалась.

Совсем не спала.

Я всю ночь писала.

Прокручиваю в голове события прошедшей ночи, прокручиваю сотни предположений и наконец принимаю решение.

Я должна провести расследование! Одна, самостоятельно, никому не доверяя. Ничего не говоря Янну. Жандармерия проведет свое официальное расследование, а он себе выбрал в помощницы Майму. Ну и отлично, капитан, мне никто не будет мешать наполнять мою бутылку, чтобы бросить ее в океан.

Шлепаю по бунгало голышом, прислушиваясь к звукам снаружи, но не слышу больше никаких криков, никто не завывает «КЛЕМ!». Так что спешить некуда. Если понадобится, Майма, Янн или еще кто ко мне постучится.

Ерошу перед зеркалом свои прямые жесткие волосы. Выгляжу все так же паршиво! Составляю в голове список вопросов, на которые

мне надо найти ответы. Их получается три. И столько же версий, чтобы заполнить страницы моего романа?

Прежде всего – найти Пьер-Ива! Был ли весь этот цирк, начавшийся после его вчерашнего исчезновения, всего лишь инсценировкой или на него действительно напали? Убили?

Затем надо узнать побольше про татуировки. В Атуоне, во всяком случае официально, татуировщик всего один, его заведение по дороге на старое кладбище Тейвитете. Я к нему схожу, и совсем не для того, чтобы он наколот мне на заднице маркизский крест.

И наконец, узнать все про тики. Я уверена, Танаэ знает больше, чем соглашается рассказать нам про эти самые пять статуй, таинственным образом выросшие вокруг ее пансиона. На Хива-Оа все всех знают, в жизни не поверю, что какой-то островитянин мог их вырезать где-то здесь и установить так, чтобы никто и понятия не имел, кто это сделал. И почему четыре расставлены в лесу, причем два из них – на священном меаэ, и только один у дороги, на виду, такой милый тики с цветами в волосах и в руках?

Я не считала, но вопросов, кажется, больше трех. Моя океанская бутылка – магнум. Надеваю отдельный купальник, шорты цвета хаки и рубашку в стиле сафари навыпуск, чтобы скрыть свое тело под подобием военной формы. Я должна следить за собой, чтобы не впасть в паранойю. А это случится, если я начну прокручивать в голове раз за разом последовательность событий начиная со вчерашнего дня. Эната на камешке, оставленном Пьер-Ивом, инсценировка его исчезновения, шаги на террасе сегодня ночью, моя долгая вахта под звездами, возвращение домой и попытки уснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

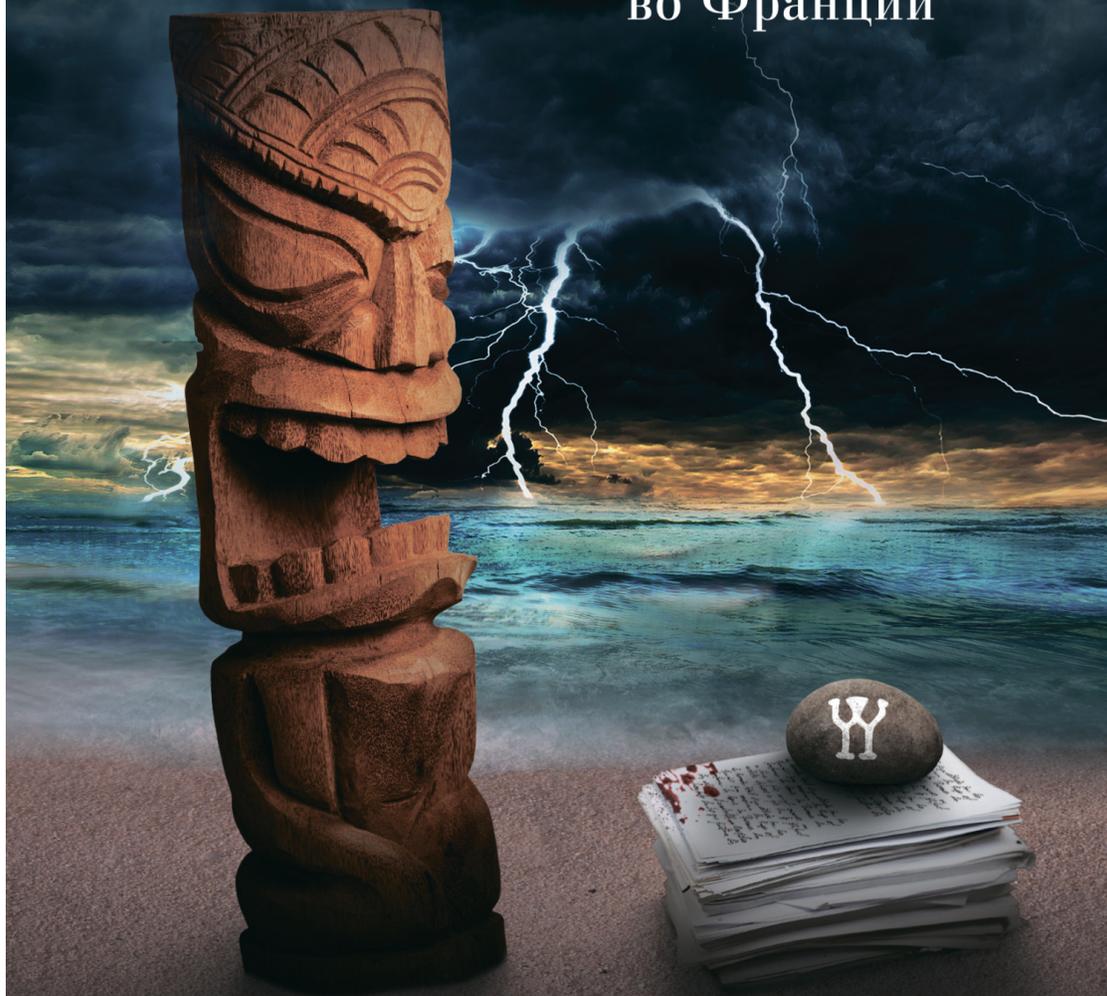
Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Мишель БЮССИ

Детективщик № 1
во Франции

под ОПАСНЫМ
СОЛНЦЕМ

Примечания

1

Каннибализм существовал на Маркизских островах до XIX века, а шутить на эту тему продолжают и теперь. – *Примеч. автора.*

[Вернуться](#)

2

Таитянская гардения, цветок тиаре – символ Французской Полинезии. – *Примеч. перев.*

[Вернуться](#)

3

Добро пожаловать (*полинез.*).

[Вернуться](#)

4

Традиционное полинезийское жилище. – *Примеч. автора.*

[Вернуться](#)

5

Из песни «Приключение» (*La quête*), вариации Жака Бреля на песню из мюзикла «Человек из Ла-Манчи».

[Вернуться](#)

6

Около десяти евро. – *Примеч. автора.*

[Вернуться](#)

7

Плод хлебного дерева. – *Примеч. автора.*

[Вернуться](#)

8

Перебродившая мякоть плода хлебного дерева. – *Примеч. автора.*

[Вернуться](#)

9

Вечеринка с убийством (*англ.*).

[Вернуться](#)

10

Имеется в виду бельгийский город Брюгге, прорезанный множеством каналов. – *Примеч. перев.*

[Вернуться](#)

11

Знаменитые бары на острове Родос, в Калифорнии и на Гавайях. – *Примеч. перев.*

[Вернуться](#)

12

Французская мыльная опера, которая идет на ТВ с 2004 года, на данный момент насчитывает более четырех тысяч серий. – *Примеч. перев.*

[Вернуться](#)

13

Запеченный на углях плод хлебного дерева, растертый с кокосовым молоком. – *Примеч. автора.*

[Вернуться](#)

14

Хака – ритуальный танец.

[Вернуться](#)

15

Ласка, Звезда и Большая Нога. – *Примеч. автора.*

[Вернуться](#)

16

Лондонский футбольный клуб «Тоттенхэм Хотспур», прозвище клуба – «Шпоры» (англ. *Spurs*). – *Примеч. перев.*

[Вернуться](#)

17

Региональное подразделение судебной полиции размещается в доме 36 по улице Бастиона. – *Примеч. автора.*

[Вернуться](#)